

A photograph of a sunset or sunrise. The sky is filled with soft, colorful clouds in shades of orange, pink, and light blue. In the foreground, the dark silhouettes of various trees, including tall, thin cypresses and leafier trees, are visible against the bright sky. The overall mood is serene and contemplative.

16+

Татьяна Мохова

Желание Жизни

Татьяна Мохова
Желание жизни

«Автор»

2019

Мохова Т. Ю.

Желание жизни / Т. Ю. Мохова — «Автор», 2019

Благодаря магическому предмету фармацевт мистер Челленджворс встречается с другой стороной своей личности и начинает её открывать. Персонажу суждено пережить череду счастливых и повергающих в отчаяние событий: в один день всё выходит так, как он давно задумал, в другой — мужчина страдает от рокового невезения. Только спустя время Джон Челленджворс начинает догадываться, что неосторожно купленный им предмет обладает таинственной волшебной силой. С этим открытием приходит понимание пустоты всей его предшествующей жизни и острое желание избавиться от призраков прежних мечтаний. Однако беспощадный механизм не так просто остановить: машинка ничего не хочет знать о внутреннем преображении своего «клиента», и фармацевт решает отказаться от неё раз и навсегда, чтобы возродиться для обновлённого будущего. Сможет ли герой обрести наконец желанную гармонию и покой, когда его представления о счастье начинают роковым образом меняться?

© Мохова Т. Ю., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Неожиданная встреча	5
В этой главе мистер Челленджворс страстно хотел тишины, а получил сразу несколько посланий	12
В этой главе начинают происходить и странные, и закономерные вещи	19
Мистер Челленджворс чувствует вкус жизни	26
Пробуждение и новые события	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татьяна Мохова

Желание жизни

Неожиданная встреча

В этот день было одновременно грустно и легко. Грустно – потому что день в конце ноября только в редких случаях может подарить всплески радости и вдохновения. А легко – потому что мистер Челленджворс понимал, что хуже ледяного дождя со снегом, не прекращающегося ни на секунду свирепого ветра и почти кромешной тьмы на улице в шестнадцать часов пополудни уже вряд ли может что-то случиться, а значит, надо наслаждаться предсказуемостью и родом извращённого спокойствия, которые дарит это время года. В компании немногочисленных знакомых этот мужчина очень любил повторять, что всегда делает ставку на надёжность, а не на эффект. Наверное, именно поэтому в его гардеробе находились весьма немногочисленные свидетельства франтовства, зато все экземпляры были сшиты на года, и к фактуре материала был способен придаться только очень злой критик. Однако мистер Челленджворс принципиально избегал слишком дорогих магазинов одежды из-за убеждения, что всё это «сплошное вымогательство и афера».

Мы не можем отказать мистеру Челленджворсу в здоровой жилке так нужного всем практицизма. В его доме всё было разложено по полочкам, а сами полочки блистали какой-то почти отталкивающей чистотой. Несмотря на частую внешнюю холодность и отстранённость, мистер Челленджворс, судя по всему, не навсегда распрощался с сентиментальностью. Пусть и довольно глубоко скрытой. В его доме можно было обнаружить множество мелких статуэток с неразборчивым выражением лица, деревянные поделки забытого происхождения, игрушечные плетеные корзиночки, искусственные цветочки неестественных оттенков и прочие безделушки. Он на них редко обращал внимание, но выбрасывать всё равно не решался.

В его доме было одновременно приятно и страшно находиться. Несмотря на почти геометрическую планировку, с которой были расставлены все вещи в комнате, посетителя невольно охватывал ужас при мысли, в какую передрыгу он может попасть разбей или передвинь что-нибудь невзначай сантиметра на два дальше положенного места. Впрочем, посетители мистера Челленджворса были спасены от его приступов гнева по той простой причине, что их у него никогда не было.

Нашего героя нельзя было назвать мизантропом, и даже на нелюдима он не смахивал. Но вот так получалось, что гостей у него не водилось, и мистер Челленджворс ничего не мог или не хотел с этим поделаться. По его глубокому убеждению главная ценность жизни заключалась в спокойствии, и ему казалось, что он достиг того идеала, когда незыблемость и предугаданность не подвергают сомнению счастье и довольство. Он панически боялся перемен, пусть даже таких тихих и невинных, как пара-тройка новых знакомых, и искренне полагал, что лучше уже имеющегося размеренного хода жизни вряд ли что-то есть. Это не походило на самовнушение или прописанную психологом терапию – мистер Челленджворс терпеть не мог психологов и полагался только на себя в анализе душевных переживаний. Господин был не женат и даже мысль обзавестись семьёй наводила на него попеременно тоску и приступы ужаса. Однако было бы слишком жестоко отказать мистеру Челленджворсу в достойной порции добрых сантиментов. Так, он бережно хранил золотые часы с причудливым вензелем на циферблате. Этот ценный подарок достался ему в своё время от бабушки, которую мистер Челленджворс еще ни разу не упомянул в разговоре ни с одним своим знакомым. Тем не менее с аксессуаром он практически не расставался и каждый вечер пятницы заботливо протирал специальным раствором его запылившиеся и немного потускневшие детали.

... Несмотря на неприветливую погоду, мистер Челленджворс сейчас весело бормотал под нос донимавшую его еще с утра песенку и размахивал из стороны в сторону кожаным чемоданом. Господин работал главным фармацевтом в одной из самых больших в городе аптек. Учреждение называлось «Дом Асклепия», но горожане ленились выговаривать такое громоздкое название, и все называли аптеку просто «домом». Признаемся, что мечты мистера Челленджворса простирались намного, намного дальше – втайне он грезил стать полноправным партнёром владельца магазина, а ещё лучше его единоличным владельцем. Не лишённый снобизма и считающий честолюбие чуть ли не главной добродетелью, он в глубине души очень недолюбливал мистера Грейтгрин – нынешнюю главу предприятия. По его мнению, это был страшно ленивый, недалёковидный и совсем не амбициозный человек, который грозил рано или поздно потопить многообещающий бизнес. Пока «Дом Асклепия» оставался практически фармацевтическим монополистом в городе, но это, разумеется, не могло продолжаться вечно. О грозящей магазину опасности мистер Челленджворс задумывался так же часто, как менялась погода в их небольшом городке, и с истинным самоотречением пытался заинтересовать этой несправедливой мыслью шефа, но все его тяжкие потуги не встречали должного внимания. Однако любовь к своей работе была так сильна, а надежды на желанное развитие карьеры так велики, что оставить аптеку на произвол судьбы мистери Челленджворсу просто не позволяло самолюбие. Он получил отличное медицинское образование, но написать диссертацию так и не решился – это бы отняло, по его мнению, слишком много времени, а мужчине не терпелось зарабатывать много денег и уверенно продвигаться по служебной лестнице. Коммерческая жилка взяла своё: мистер Челленджворс пошёл не в клинику, в чем были поначалу уверены почти все его знакомые, а в перспективную торговлю. Однако чем дольше и напряженнее он работал, тем всё сильнее давала о себе знать какая-то неприятная внутренняя неудовлетворённость, о причинах которой он всеми силами своей души старался не думать, так как это бы неминуемо разрушило его привычный размеренный распорядок жизни, а ведь страшнее этого он не мог себе ничего представить. К радости мистера Челленджворса разрешение его внутреннего разлада пришло как-то само собой. В одно удачное солнечное утро к нему вальяжно подошел мистер Грейтгрин и ленивым жестом бросил на прилавок газету.

– Вот, почитайте. Мне кажется, вам будет интересно. Если в итоге что-то надумаете, идите сразу ко мне, – отчеканил патрон с полузакрытыми глазами и быстро удалился в свой кабинет.

Обладая врождённой способностью молниеносно подмечать нужную информацию, мистер Челленджворс в секунду увидел нужный заголовок.

Членство в организации – грант на исследование

Тяжело дыша от волнения, аптекарь быстро прочитал всю заметку. Речь шла о наборе сотрудников в научно-исследовательский институт. Работа не предполагала напряженного графика: всё, что нужно было сделать соискателю, – это предоставить проект будущего исследования, и, если комиссия сочтёт предложение интересным, ученый получал полное финансовое обеспечение своей деятельности. Ладони мистера Челленджворс похолодели и вспотели, он с трудом вернул своё хладнокровие. Еще в студенческие годы юноша лелеял мечту совершить открытие в фармацевтике, и на старших курсах у него даже были серьёзные наработки. Скрупулезно изучая состав одного из самых популярных в стране лекарств от лихорадки, он обратил внимание, что многие компоненты препарата можно было бы заменить на намного более безопасные аналоги, чтобы свести к минимуму частые побочные эффекты. Долгими днями и ночами он готовился к эксперименту, но двери лаборатории были открыты только для аспирантов. И вот, у него появился прекрасный шанс! Уникальный шанс. И всё складывалось бы для него совсем замечательно, если бы только не краткая приписка в конце материала: «Уважаемые соискатели! Обращаем ваше внимание, что прежде чем присылать проект на рассмотрение комиссии, соискатель обязан пройти годовое обучение в институте и сдать необ-

ходимые экзамены». Лицо мистера Челленджворса мгновенно помрачнело. Да, безусловно, он был бы не самим собой, если бы не откладывал систематически весьма немаленькую сумму на чёрный день, но не до такой же степени простирался его научный азарт! Тратить все деньги – оплот своего спокойствия – на такую сомнительную авантюру?! И отряхнув грёзы смелых мечтаний со своих гордых плеч, он бодро направился к бюро босса, чтобы отчеканить твердое решение. Когда он осторожно вошёл в кабинет, Грейтгрин отреченно полулежал в кресле, положив ноги на стол.

– Челленджворс, а ну-ка прекратите, – лишь чуть приоткрыв глаза и сложив руки на груди, лениво заговорил мистер Грейтгрин. – Я вас знаю как облупленного. Бьюсь об заклад, вы уже всё там прокрутили, – Грейтгрин чванно изобразил ручкой в воздухе круг, – и продумали на несколько шагов вперед. Будь я неладен, если вы уже не посчитали всю прибыль от этого чудо-лекарства.

Мистер Челленджворс поднял брови.

– Да-да, Челленджворс, уж меня-то не проведешь. Сами поди забыли, как рассказывали о своих наполеоновских планах. Думаете, я так просто всё забываю? Я хоть и сплю на работе, по-вашему, как последний... сурок, – мистер Челленджворс не сдержал улыбку и в смущении опустил голову, – но еще кой-чего соображаю, – Грейтгрин с усилием встал и открыл маленький шкафчик со стеклянной дверцей. – Значит так. Слушайте меня внимательно, Челленджворс. Я даю деньги. Да-да, я даю вам немало денег, неугомный вы тщеславец. Но только на ваше обучение, учтите! Да прекратите вы смотреть на меня как на помешанного – я так хочу! Только будет условие, друг мой. Мы будем продавать это лекарство, которое вы там сделаете... изобретете... так вот: мы будем его продавать только в нашей аптеке. Слышите меня, Челленджворс? Никаких побегов налево и дезертирства, поняли вы меня?

И не дождавшись ответа, внезапно проявивший недюжинную для своего темперамента оживленность, мистер Грейтгрин щегольски развернулся, а затем флегматично махнул подчинённому рукой, намекая таким образом, что ему пора возвращаться к своим делам.

И вот прошёл год, и неожиданно приближался день долгожданного опыта мистера Челленджворса!

Но мы надолго оставили его одного в хмуром расположении духа. Вернёмся теперь к его привычному каждодневному маршруту. С прискорбием отметим, что бескомпромиссно приближающиеся машины угрожали окатить джентльмена потоком грязи, пока тот самозабвенно подсчитывал прибыль от продажи лекарств. Пусть доход был и не его, слабость к деньгам мистера Челленджворса была настолько сильна, что он просто не мог устоять перед таким искушением.

– Чёрт возьми! Непостижимо! – Челленджворс с ожесточением принялся лупить себя по фалдам кристально чистого бежевого пальто. – Надо всё-таки что-то с этим делать!

Размышляя о текущих делах, мужчина даже не заметил, как случайно свернул с привычного маршрута и оказался в северном квартале города, куда заходил очень редко. Здесь росли маленькие вечнозеленые деревья, их часто украшали гирляндами на Новый год и Рождество. Чуть поодаль виднелся высокий серебристый шпиль самой высокой в городе колокольни. Проклиная свою рассеянность, аптекарь машинально свернул за угол и, как загипнотизированный, сбежал под прикрытие первого попавшегося магазина. Он знал, что такое старинные дубовые массивные двери: чтобы открыть, приходится навалиться на них всей тяжестью своего тела. Но на этот раз всё получилось по-другому – дверь удивительно легко поддавалась напору.

Всё еще отмахиваясь и театрально отплёвываясь, мистер Челленджворс понял, что находится в неизвестном ему помещении. Опомившись, он робко поставил портфель на пол и глазами растерянного ребёнка посмотрел в сторону прилавка. Сначала он подумал, что попал в детский магазин: никакого порядка в расставленных предметах не наблюдалось, но с первого взгляда глаз сразу различал обилие кукол, разноцветных, богато расшитых камнями и бусин-

ками масок и загадочных механизмов – то ли это были цельные экзотические игрушки, то ли завалывшиеся части сломанных устройств. Так сразу и не поймешь. Куклы, куклы! Пестрота лиц, глаз, улыбок! И все на разный манер. Были здесь и маленькие неваляшки с неестественными улыбками – иной впечатлительный посетитель нашёл бы их даже устрашающими. Средние экземпляры поражали разнообразием костюмов: тут были и перья, и кружева, и даже экзотические цветы, пришитые к подолу. Самым удивительным для Челленджворса оказалось то, что лица больше походили на грубые слепки и как-то совсем терялись на фоне богатых аксессуаров. Были даже животные – в основном коты и лошади – разряженные почему-то как люди. Вот их «лица» выглядели, пожалуй, даже слишком правдоподобно. Смотреть на них долго нежданному посетителю было просто не по силам. От громадных кукол в человеческий рост мистер Челленджворс и вовсе в ужасе отшатнулся, приняв их поначалу за живых людей.

– Добрый день, сэр. Чем могу быть вам любезен?

Мистер Челленджворс встрепенулся всем телом, несмотря на обычно образцовые стальные нервы. За прилавком стоял опрятный сухопарый господин с крючковатым большим носом и седыми бакенбардами. Продавец протирал синей сатиновой тряпочкой один из «экспонатов музея». Рядом с ним лежало тяжелое старинное зеркальце с красивой зелёной ручкой. Крючковатый нос, казалось, был полностью поглощён своим занятием и не прервал уборку даже в момент приветствия, что очень обрадовало нашего героя, так как его немедленным желанием было улизнуть из этого мрачного заведения как можно незаметнее. Несмотря на этот первый сильный импульс, через секунду он как будто врос в пол и уперся застывшим взглядом на фигуру за прилавком.

– Я... Э... У вас тут новый магазин, к-хм... Я... мм, раньше вас не видел.

– Любезный сэр, новое – это необязательно то, что вы не видели раньше. Прошу вас, располагайтесь! Если угодно, повесьте пальто на вешалку, чтобы оно не мешало вам выбрать подарок по душе.

Первая сентенция таинственного субъекта не на шутку разозлила мистера Челленджворса. К тому же этот приторный вкрадчивый тон сильно действовал на нервы. Он вызывал далекие, покрытые пылью воспоминания о родном дядюшке Муриусе, учителе мировой художественной культуры, который в свободное от работы время обожал преподавать племяннику пару-тройку уроков. А так как после восьмидесятипятилетнего юбилея такого времени у дядюшки Муриуса выдалось немало, от одного воспоминания о вдохновляющих встречах с родственником и его сходства с продавцом магазина кукол у мистера Челленджворса беспощадно задёргалось веко.

– Э-м-м... Ничего особенного я не хотел, извините. Я попал сюда случайно. Я, пожалуй, пойду. Всего доброго, – поспешно отрапортовал аптекарь, неуклюже приглаживая рукой волосы.

– Постойте, пожалуйста, сэр. Уверен, что *мы* сможем вас заинтересовать. Вот увидите, у вас останутся самые необычные воспоминания. Не торопитесь, не торопитесь...

Такая навязчивость продавца уже посягала на свободу и не могла не разозлить педантичного Челленджворса, но он всё равно почему-то не торопился хлопнуть дверью, несмотря на всю свою обычную бескомпромиссность. Аптекарь впервые обратил внимание на то, что кукловод не так уж был поглощен вычищением невидимых пятен с поверхности своих механизмов. Опущенные веки продавца скрывали глаза, но фармацевт инстинктивно почувствовал, что взгляд старика точно не сулил ничего хорошего. Он был почти уверен, что старьевщик уже изучил клиента с ног до головы, как если бы обладал третьим магическим глазом, при этом загадочный человек продолжал заниматься своим делом, в упор не замечая пронизывающего испытывающего взгляда мистера Челленджворса. Это почти полное внешнее безразличие удивляло и раздражало. Тот, кто хотя бы раз видел прежнего мистера Челленджворса, поразился бы его титаническому спокойствию, ведь обычно малейший намёк на невежество

выводил господина из себя, и он никогда не отказывал себе в удовольствии прилюдно отчитать виновника. Молчаливый аптекарь не спешил уходить и продолжал смущенно оглядываться по сторонам. Только сейчас он заметил, что, кроме него, в помещении не было ни души. Комната озарилась приятным полумраком: по её периметру располагались старинные ажурные светильники, каждый с индивидуальным узором. Продавец не предпринимал никаких дополнительных попыток удержать клиента, что очень удивляло после высказанной торговцем уверенности, что мистер Челленджворс непременно найдет у него некий желанный товар. Но наш герой и без зазывающих фраз нашел себя поглощенным разнообразными предметами. Он продолжал не спеша расхаживать по просторному залу. Вдруг ему на глаза попала старинная пишущая машинка.

– Мм, могу ли я узнать у вас, что это? – спросил он пожилого продавца, скрывая свою заинтересованность под как можно более хладнокровным тоном.

– А, это!.. – нос продавца всё ещё был в опущенном положении. – Пишущая машинка. Редкая модель. Начало восемнадцатого века.

«О боже мой! Да это же целое состояние!» – расстроился мистер Челленджворс, не в силах отвести взгляд от механизма.

Напомним нашим читателям, что путь от печатного станка Гуттенберга – открытия, перевернувшего представление человечества о своих возможностях, до пригодной в домашних условиях портативной пишущей машинки был долг. Понадобилось почти четыре с половиной века, чтобы итальянский изобретатель Пеллегрини Турри осчастливил своим гениальным изобретением графиню Каролину Фантони. Ещё в молодые годы девушку внезапно постигло страшное несчастье – она ослепла. Чтобы вернуть любимой даме смысл и радость существования, Турри придумал способ отпечатывать заранее выгравированные буквы через специальную копировальную бумагу. Таким образом графиня смогла посвятить себя сочинению стихотворений и писем. Несмотря на то, что первое сочинение Каролины Фантони датировано 1801 годом, а последнее – 1810, никаких других свидетельств существования почти магического для того времени прибора не сохранилось. Мистер Челленджворс был не силен в истории, и любознательность его чаще всего ограничивалась процентными ставками в банке, поэтому о первых пишущих машинках он имел самые смутные представления, и, если бы он знал, что из сохранившихся донныне приборов лишь пару-тройку можно отнести к первой трети девятнадцатого века и что хранятся они сейчас в музеях на стеллажах с очень толстыми стёклами, заявление крючковатого о «редкой модели начала восемнадцатого века» должно было бы как минимум насторожить. Но так не произошло. Мистер Челленджворс с огромным интересом продолжил изучать приглянувшуюся вещь.

– Вы можете рассмотреть её поближе, возьмите, – и продавец, не прощаясь с сагиновой синей тряпочкой, свободной рукой протянул мистеру Челленджворсу блестящую машинку.

Аптекарь сразу же почувствовал холодное прикосновение гладкого металла. На чёрной машинке не было ни царапины, ни зазубринки, ни сколько-нибудь различимого пятнышка. Белые буквы и цифры на клавишах поражали яркостью и чёткостью. Каретка же переливалась и почти ослепляла: мистер Челленджворс мог поклясться, что эта часть прибора, в зависимости от ракурса, казалась попеременно золотой, серебряной и перламутровой. Неизвестно доподлинно, сколько прошло минут, прежде чем герой нашего повествования смог оторвать напряженный замороженный взгляд от ценного механизма.

– Как видите, у машинки много достоинств, – произнёс продавец, прекратив наконец чистку, – ею можно и просто любоваться как предметом искусства, не правда ли?

Будь мистер Челленджворс сейчас повнимательнее, он смог бы уловить странную улыбку на лице незнакомца, который, как будто подстёгиваемый чем-то, принялся неторопливо перелистывать страницы толстого фолианта на прилавке.

– Вы не пожалеете, если приобретете этот, – показалось, что продавец на секунду задумался, – этот дорогой предмет.

– А печатать на ней можно? – поинтересовался аптекарь, даже не вспомнив, что последним из написанного им за пять лет была серия жалоб председателю домоуправления на шумные ночные вечеринки соседей. Так как ночь по представлениям мистера Челленджворса началась уже в восемнадцать часов (именно тогда он приходил с работы), а жалобы поступали с такой завидной регулярностью, что председатель перестал радоваться стопкам бесплатной бумаги для черновиков, соседей пришлось транспортировать на новое место жительства. С тех пор ближайшие пять-шесть квартир рядом с мистером Челленджворсом пустовали, и его вдохновенный писательский порыв угас, не успев как следует проснуться. Однако в этот момент задуматься о практической стороне покупки ему не пришло в голову.

– О, безусловно! Я уверен, вы не сможете оторваться от этой печатной машинки. И захотите напечатать на ней много всего важного, интересного и ... желанного, – продолжая полуулыбаться, хозяин заведения чуть ли не опустил на свою огромную книгу в поиске только ему ведомых фраз, а его нос при этом почти задел страницы с текстом. Что касается мистера Челленджворса, то он был весь во власти нового увлечения и уже не находил странным, что сгорбленный продавец так и не удосуживал покупателя прямым взглядом. Лихорадочно подсчитывая все деньги, что были у него с собой, взволнованный, он вспомнил о своём кожаном черном портфеле. Повернувшись к двери, Челленджворс с ужасом понял, что не видит уже ни портфеля, ни выхода. Перед ним была просто часть стены, такая же, как и все остальные.

– Вы, полагаю, ищите ваш портфель-с?

Медовый вкрадчивый голос старьевщика заставил мистера Челленджворса передёрнуться.

– Не беспокойтесь, сэр. Я переложил его на стул рядом с прилавком, чтобы вам было удобнее. Вот он! – действительно, рядом с прилавком крючка как ни в чем не бывало лежал на стуле тот самый портфель.

– Но...я... я не пойму, где тут у вас дверь?

Старик мгновенно изменился в лице и заговорил театральным голосом, чуть ли не всхлипывая.

– Позвольте, неужели вы уже уходите? А я думал, вас всё-таки заинтересовал этот любопытный экземпляр. Ручная работа, мастерская чеканка... Не уверен, что вы найдете что-то подобное у других мастеров.

– Я...да... просто дверь... Она была, вроде бы, здесь, – от растерянности аптекарь подхватил не свойственное ему косноязычие.

– О чём вы говорите, сэр? – продавец тут же изобразил недоумение.

– Дверь, выход, – начал терять терпение Челленджворс, – я пришёл отсюда, – он указал на голую стену позади.

– Ну что вы! – продавец повернулся спиной и принялся вытирать пыль с головы куклы-гиганта. – Вы, наверное, просто немного растерялись здесь в этом великолепии чудесных экспонатов.

И, словно в подтверждение сказанного, голова одного из чудесных товаров с грохотом сорвалась с туловища и покатила по полу, ослепляя осколом своей улыбки

– Ох-хо-хо, временами усердствую, усердствую, когда привожу их в порядок, понимаете ли, – непонятным оправдывающимся тоном зачастил крючковатый. – А, да... Вы, кажется, спрашивали о выходе... Да вот же он! – и продавец протянул руку в противоположную от мистера Челленджворса сторону. И странное дело: там действительно красовалась массивная дубовая дверь. У мистера Челленджворса впервые за многие годы закружилась голова, поэтому ему немедленно захотелось сесть. Надо было брать себя в руки.

«Старик прав. Я просто вдруг потерял здесь ощущение пространства. И немудрено. Никакой логики в этой куче дурацких разряженных поделок... Заберу машинку – и домой».

– Э... Да. К-хм. Я хочу купить эту пишущую машинку. Не могли бы вы подсказать, в какую сумму мне это обойдётся? – спросил мистер Челленджворс как можно более вежливым тоном и аккуратным жестом вернул себе портфель.

Озвученная таинственным персонажем сумма приятно удивила: она составила пять месячных жалований, но всё же была намного меньше ожидаемой.

– Я согласен, – с трудом подавляя радость в голосе, выговорил покупатель. – Однако у меня нет с собой всей суммы... – добавил он замешкавшись.

– О, ничего страшного. Давайте оформим покупку в рассрочку, – продавец в ту же секунду исчез под столом и так же быстро вынырнул с ветхой книгой в руках. – Я надеюсь, вы сообразовите оформить расписку. Я согласен ждать полгода.

Это предложение показалось мистеру Челленджворсу крайне соблазнительным. Он с лёгкостью отдал деньги за первый месяц. Крючковатый, не пересчитав, быстро положил купюры в ящик стола и протянул машинку. Очарованный аптекарь так и не мог отвести глаз от перламутрово-золотой каретки, иначе его бы точно довели до белого каления дурные манеры сухопарого господина, так и не удосужившегося посмотреть ему в глаза за всё время этого необычного разговора.

В этой главе мистер Челленджворс страстно хотел тишины, а получил сразу несколько посланий

Пожалуй, первый раз за всю сознательную жизнь мистер Челленджворс ворвался в гостиную, не повесив аккуратно в прихожей пальто на вешалку. Он был удивлен, озадачен, перевозбуждён. Надо признать, что из его памяти уже почти стерлось то, что поразило сначала прежде всего, – он с трудом описал бы сейчас фигуру старьевщика и решительно не понимал, почему часом ранее почти с содроганием бросал на старика опасливые взгляды. Не сразу вспомнил бы он и место, где располагался магазин. «Вроде бы, и на той аллее, где я всегда иду домой, а вроде, и нет... Ну, и какая разница? Мне там больше ничего и не надо», – размышлял он про себя с несвойственной ему ранее беспечностью. Ход мыслей был, конечно, примиряющий, но тем не менее мужчина места себе не мог найти, и причиной беспокойства была именно машинка. Мистер Челленджворс не мог нарадоваться покупке. Он обхватил машинку руками, ходил с ней из угла в угол, неотрывно нежно смотрел на неё, любовно поглаживал, и всё это с немного глуповатой улыбкой. Он мог бы, пожалуй, дойти до того, чтобы последовать примеру бессмертного мистера Пиквика и бесцельно швырнуть шляпу и очки на пол в припадке гомерического смеха. Наконец, джентльмен решил всё-таки прекратить бессмысленную прогулку по комнате и положил пишущую машинку на дубовый стол с зеленым бархатом – аптекарь копил деньги на этот предмет интерьера три года, методически откладывая фиксированную сумму и не позволяя себе поблажки ни на один месяц. Это была его персональная желанная дверка в ярмарку тщеславия. И его ничуть не смущало, что в комнате немного потрескалась штукатурка, а на полу можно было заметить непривлекательные трещины. У него был стол, дубовый стол! И с зеленым бархатом! Мистер Челленджворс от одной этой мысли становился как будто бы шире.

И вот теперь на его священном дубовом столе стоит эта великолепная машинка. Как она переливается! Какие оттенки цветов, какая богатая огранка! Мистер Челленджворс представил себе золото, много золота... Драгоценные камни, изумруды, алмазы... Он и сам не понимал, как вдруг всё резко закружилось перед глазами. Он как будто грезил наяву.

– Так! – раздался сильный хлопок по щекам. – Что это я? Что происходит?.. Пора ужинать, я что-то совсем забылся...

Челленджворс зашаркал в прихожую, чтобы наконец снять пальто, но не успел он дойти до вешалки, как раздался телефонный звонок.

– ... Мистер Челленджворс? Здравствуйте! – на другом конце провода послышался тихий мелодичный женский голос.

– Да-да, я слушаю! Добрый вечер, – выбитый из колеи, аптекарь был немного раздражен.

– Простите, я... я не отвлекаю? Не могли бы вы уделить мне несколько минут, пожалуйста?

– Да-да! Я же говорю: слушаю! – долго не церемонясь, рявкнул Челленджворс.

Робкая собеседница замолчала на несколько мгновений, и это уже окончательно взбесило аптекаря.

– Но если вы всё время будете молчать, смысла в моём к вам повышенном внимании не будет вовсе!

Мужчина окончательно испугал девушку, и она быстро залепетала.

– Ох, извините, извините... Я... Я попозже позвоню. Извините...

– Да говорите же вы, наконец, что произошло! А!.. – последовала неловкая пауза. – Так это вы, мисс Джинджер?..

Мистер Челленджворс сконфузился и постарался изменить интонацию своего раздражённого голоса как можно незаметнее.

– Да, это я, мистер Челленджворс. Еще раз простите, что побеспокоила. Я бы позже перезвонила?..

– Мисс Джинджер, всё... всё в порядке. Я... Просто тут было одно дело, я немного отвлекся ... Говорите же, слушаю.

На другом конце провода еще секунду помолчали, как будто собираясь с силами.

... Эмили работала в аптеке мистера Грейттрина и выполняла несложные задания: протирала пыльные коробки со складов, распределяла лекарства по категориям, вырезала из картона прямоугольники и аккуратно обозначала на них маркером цены. Часто, в виде особой милости, мистер Челленджворс доверял ей проставлять маркировочные бирки. Несмотря на незамысловатую работу, частенько девушка работала на износ: для их городка аптека была огромной, помещение состояло из двух просторных залов, и следить нужно было за каждым квадратным метром.

Эмили давно привыкла к своей простой роли и совсем не обижалась на то, что мистер Челленджворс почти не замечал её присутствия в магазине. Для него она была как робот: исполнительная, предсказуемая, дисциплинированная и, что было особенно важно, никогда не нарушающая границу личного пространства. Холодного «здравствуйте» ей было вполне достаточно, хотя внимательный наблюдатель заметил бы на её лице время от времени признаки сдержанной меланхолии – то выражение, возникающее при неосознанном одиночестве и невозможности найти человека, чтобы вместе с ним посмеяться. Однако мистер Челленджворс страшно не любил озадачивать себя размышлениями, которые могли хоть как-нибудь вывести из состояния блаженного постоянства, достижению которого он посвятил почти всю свою жизнь. Именно поэтому он предоставил Эмили плыть по бескрайнему морю своих эмоций в полном одиночестве, что, по его мнению, было «ярчайшим примером искреннего и добросовестного соблюдения права личности на невмешательство в личную жизнь». Другими словами, два наших героя были по разные стороны баррикад: мистер Челленджворс – весь во власти повседневных забот и долгосрочных стратегий на улучшение благосостояния, Эмили – в плену бесхитростной автоматизированной работы с человеком-призраком.

Эмили была сиротой и до недавнего времени жила одна в небольшом домике, доставшемся от умершей три года назад тётки. Ей было двадцать два года, и бесцеремонные прохожие нередко называли её хорошенькой. Родителей девушка совсем не помнила – мистер и миссис Джинджер погибли, когда Эмили была еще младенцем. Однако пара оставила после себя неплохое состояние, на которое их дочь смогла жить всё детство и юность. Денег могло хватить ещё на много лет, но Эмили всегда стремилась сама зарабатывать на жизнь и поэтому просто не могла наслаждаться жизнью сложа руки. Увы, ей пришлось столкнуться со сложностями и разочарованием. Была ли тому причиной давящая тяжесть прошедших лет или давали о себе знать вытесненные страдания, но тетя-опекунша превратилась в самого настоящего деспота. Упрямая старушка желала, чтобы девушка неотлучно находилась около её особы и ставила Эмили всяческие препоны, когда та предпринимала робкие попытки заняться в жизни чем-то серьёзным. Сумасбродная тётка доходила до того, что мешала заниматься и безрассудно отбирала учебники, и чересчур мягкий характер племянницы не был ей в том помехой. Совсем неудивительно, что в результате из-за скудной подготовки и нервного перенапряжения бедняжка Эмили так и не смогла поступить в университет, и неудача преследовала её два года подряд. Отчаявшись, молодой девушке не оставалось ничего другого, как скрепя сердце смириться со своей судьбой и до девятнадцатилетнего возраста практически безвылазно просидеть в доме с повредившейся в уме родственницей.

Старшая сестра, Изабелла, была полной противоположностью Эмили. Она избрала хитрую тактику: лицемерно соглашаясь со всеми наставлениями тётки, Изабелла постепенно выве-

дывала, в каком банке хранятся деньги покойных отца и матери. Едва дотерпев до восемнадцатилетия, находчивая девушка тут же помчалась к нотариусу и оформила наследство, не сказав ни слова ни сестре, ни, разумеется, воинственной родственнице. Через два часа её уже не было в городе, и первую весточку от исчезнувшей сестры двенадцатилетняя Эмили получила лишь спустя месяц, до этого проплавав все глаза и обвинив себя в смертных грехах, которых у неё не было. На неё пал и тяжкий удар рассказать тетке о выходке Изабеллы, и этот день она не могла забыть всю свою оставшуюся жизнь.

Спустя время Изабелла прислала краткое письмо, что удачно вышла замуж и обосновалась на юге Европы, но адрес свой уточнять не стала. Амбициозная с раннего детства, она за три года построила головокружительную карьеру танцовщицы в оперетте и была не в силах расстаться с работой даже после рождения дочери, поэтому воспитанием ребенка занялся её муж, мягкотелый добрый итальянец, который был наивно счастлив поддерживать свою энергичную супругу во всех начинаниях. Увы, энтузиазма доброго мужчины хватило лишь на несколько лет постоянных отлучек своенравной королевы его сердца. Иногда Изабелла не появлялась дома целыми неделями, уезжая на гастроли, не предупредив супруга и напрочь забыв о девочке. Даже ангельское терпение не бесконечно, и в конце концов итальянец поставил ультиматум: либо достойная семейная жизнь, либо развод. Стоит ли гадать, что выбрала Изабелла. К подобной развязке она подготовилась заранее со всем присущим ей хладнокровием. После двух-трёх изматывающих отвратительных судебных тяжб дочь осталась с ней.

В том же году решительная танцовщица получила залитое слезами письмо от Эмили, в котором та сообщала о скоропостижной кончине тётки. Изабелла с циничной усмешкой подумала, какой же дурочкой должна быть её младшая сестренка, если так искренне страдает из-за смерти ужасно мучавшей её родственницы. Сама же она без зазрения совести потирала руки и планировала в скором времени ненадолго вернуться в родной город, чтобы восстановить потерянную эмоциональную связь с семьёй...

– Мистер Челленджворс, сегодня вы оставили в аптеке папку с бумагами по инвентаризации...

Раздался резкий звук. Мистер Челленджворс со всего размаха хлопнул себя по лбу, и на его чувствительной коже сразу появилось ярко-красное пятно.

– Я... Я могла бы их вам принести, – Эмили запнулась на мгновение, а потом добавила чуть более низким голосом, – я ведь знаю, насколько важен для вас порядок в бумагах.

– О! Да. Пожалуй, да! Это было бы просто прекрасно, – рассыпался с несвойственной ему эмоциональностью мистер Челленджворс. – Я давно дома и, скажу откровенно, – джентльмен бросил взгляд на стол с машинкой, – совсем не расположен возвращаться назад. Сегодня был такой волн... непростой день.

– Да-да, – самоотверженно-быстро подхватила Эмили, – конечно! Я тогда сейчас забегу! Только проверю еще раз все витрины и закрою списки.

«Списками» они называли между собою записи о всех совершенных за день покупках, а «закрывать» их значило подсчитывать прибыль и обводить кругленькую сумму в алый кружок. Немало благословенных вечеров мистера Челленджворса было посвящено томному рассматриванию этих заветных чисел. То, что аптекарь забыл свои бумаги, было само по себе событием беспрецедентным. Однако его нежелание тут же ринуться на работу, чтобы собственноручно забрать документы, казалось явлением еще более невероятным.

– Вы знаете мой адрес?

– Ну конечно! Вы же меня уже несколько раз просили принести бланки для отчетов.

– А, да-да, конечно, – промямлил мистер Челленджворс, смутно припоминая перед чьим носом он несколько раз захлопывал дверь, едва прикоснувшись к протянутым ему папкам.

– Очень жду. Спасибо, мисс Джинджер.

– Буду у вас максимум через час, сэр.

Мистер Челленджворс положил трубку и на минуту задумался. От этого разговора оставался какой-то неприятный осадок, некомфортное послевкусие. «Надо будет присмотреться к этой девушке. Такая дотошность неспроста», – пробурчал он, сдвинув брови. Впрочем, хмуриться и опасаться сегодня пришлось недолго. Порывисто и небрежно повесив своё пальто и даже не замечая, что оно тут же упало на пол, мистер Челленджворс в три шага одолел расстояние между прихожей и гостиной и бросился на кресло рядом с дубовым столом. Мужчина снова завороченно провел ладонью по гладкому металлу пишущей машинки: «Всё также прекрасна!» Аптекарь просто не мог осознать, что купил не статуэтку и не предмет декора, а прибор с практическим применением. Ему пока и в голову не приходило, что не плохо бы найти бумагу и посмотреть на машинку в действии. Яркий блеск каретки и стройный ряд чёрных благородных клавиш с чёткими буквами представлялись ему лучшим из зрелищ, благороднейшим из украшений. И, наверное, добавил бы он, увлекательнейшим из представлений. Но он этого не сделал, потому что в театр наш мизантроп никогда не ходил, окрестив его пустой тратой времени и наглым вымогательством денег.

Обычно столь неукознательный в своём расписании, мистер Челленджворс только спустя час после прихода домой вспомнил об ужине. И несмотря на возмутительную эмоциональность и вопиющую незапланированность сегодняшнего своего поведения, он решил, что еще не до такой степени обезумел, чтобы пропустить приём пищи. У нашего героя была довольно просторная квартира для одного человека: помимо гостиной и спальни, в его распоряжении находились небольшая столовая и кухня. Однако самостоятельно мистер Челленджворс готовил только самые простые блюда – яйца, поджаренный бекон, максимум несколько гренок на завтрак... Полноценными обедами и ужинами в течение почти семи лет заведовала добродушная экономка миссис Томсон. Она была единственной женщиной в жизни мистера Челленджворса, которой он мог бы довериться полностью. Семидесятипятилетняя дама добавляла в пищу много специй, а в общение – меньше перца и, как только поняла, что такая тактика возымела свои плоды, отныне уже от неё не отступала. Миссис Томпсон проживала неподалеку и по вечерам уходила к себе домой. Однако с мистером Челленджворсом у них была важная договоренность: джентльмен имел право позвонить ей в любое время, за исключением глубокой ночи, если вдруг возникнет срочная необходимость.

– Так-с, так-с, – подпрыгивающей походкой мужчина приблизился к холодильнику, – что у нас здесь завалилось?

«Завалилось» в важнейшем оплоте самоуспокоения ни много ни мало мясное рагу, куриный бульон, сливочная паста с шампиньонами, три бараньи ножки, ореховый мусс, пятнадцать пирожков с яблоками и два литра клюквенного морса.

– Недурно, недурно! —ребячливо вскрикнул джентльмен, совсем позабыв о тех волнениях, которые принёс ему необычный день.

Пока наш герой лакомится яствами, рассмотрим его наружность повнимательнее. Вы могли подумать, что он уже совсем не молод? Полноват? Непривлекателен? Вопреки возможным предположениям расчётливый и немного сварливый мистер Челленджворс был тридцати шести лет от роду и внимательно следил за своей физической формой. Несмотря на, казалось, врожденную экономность, свою одежду мужчина выбирал тщательно и небрежности в облике не терпел. Он обожал приталенные пиджаки тёмно-коричневых расцветок и брюки со стрелками. Его классический костюм обязательно дополняли белоснежные или светло-розовые рубашки, которые на протяжении семи лет самоотверженно стирала и гладила миссис Томпсон. Один раз, из-за болезни верной экономки, мистеру Челленджворсу пришлось самостоятельно приобщиться к этому тонкому виду искусства. Однако после полуторачасовых попыток, сравнимых в его воображении со всеми кровавыми ужасами инквизиции и нашествию племени индейцев на невинные караваны в Виргинии, он рухнул на пол и признался миссис Томпсон, что она, судя по всему, обладает запрещенными сверхспособностями, потому что каждому

доброму христианину на земле такие нечеловеческие испытания не по силам. Миссис Томпсон успокоила беднягу и пообещала вернуться в ближайшее время, чем спасла исстрадавшегося аптекаря от неминуемой гибели.

Итак, благодаря неусыпным стараниям верной старушки, к внешнему виду мистера Челленджворса было сложно придаться. Его элегантный образ иногда дополняли позолоченные запонки, приобретенные во время одной из служебных поездок в Париж. Застёгивался он на все пуговицы, а ботинки начищал до нахального блеска. Он был высок и недурно сложен, а если присмотреться поближе, то никого бы не оставил равнодушным идеально прямой тонкий нос и красиво очерченные скулы. Почему же никто не решился назвать мистера Челленджворса красивым человеком? Рискнём предположить, что всё портило выражение лица. Неизменное застывшее выражение из смеси раздражения, глубокой озабоченности и сильного внутреннего напряжения. Это было лицо непробиваемо независимого человека, не желавшего делиться своей свободой ни с кем.

Мистер Челленджворс не успел расправиться с трапезой, как в дверь позвонили.

– Эмили! Уже!

Фармацевт не спеша приподнялся с тяжелого деревянного стула: сложно определиться сразу – радоваться ли столь быстрому приходу помощницы или негодовать, что грубо оторвали от бесподобного воздушного орехового мусса.

– Добрый вечер, мистер Челленджворс, – Эмили застенчиво улыбнулась и протянула папку с бумагами. – Хорошо, что я сразу заприметила...

– Благодарю, – произнёс мистер Челленджворс гораздо более сдержанным тоном, чем полчаса назад по телефону, – Вы... хотите пройти? Я... я ужинал. Можете составить мне компанию, – предложил он без особой настойчивости в голосе.

– Мм, спасибо... Но я лучше пойду. До моего дома далеко, а завтра рано вставать... За предложение еще раз спасибо, – девушка отвернулась и прикоснулась к дверной ручке.

Сильно обрадовавшись про себя, аптекарь готовился сдержанно миролюбиво согласиться, когда вдруг заметил, что девушка промокла с ног до головы.

– О боже мой, мисс Джинджер! Где вы так умудрились промокнуть?

– На улице дождь, а зонт-то я взять позабыла...

– Так. Проходите! Плащ и шляпу вешайте на стойку. Болеть вам нельзя совершенно – как потом прикажете без вас работать? Проходите, ну проходите же вы наконец, к чему эти глупые стеснения? Успокойтесь, до грязи с ваших сапог мне нет дела. У меня есть домработница, которая всё тут убирает.

Пока мисс Джинджер поспешно снимала верхнюю одежду, Челленджворс окинул её быстрым оценивающим взглядом. «Как устала!..» - подумал он про себя.

– Если необходимо, я сейчас же позвоню миссис Томпсон. У неё точно должен найтись фен. Сам я подобными вещами не пользуюсь.

– Ни в коем случае! Ну что вы, мистер Челленджворс... Я в полном порядке, не нужно беспокоить леди... — девушка сбивчиво зачастила, опустив руки и переминаясь с ноги на ногу, но, когда крупные капли, стекая с её головы, попали сразу в оба глаза и заставили потерять равновесие, мужественно добавила, – ... если она живёт слишком далеко...

– Она не живёт далеко, – хладнокровно отчеканил мистер Челленджворс с телефонной трубкой в руках. – Миссис Томпсон? Миссис Томпсон, неловко беспокоить вас в такой час, но у меня непредвиденные обстоятельства. Мне нужен фен для просушки волос. Да, да, фен, так это называется? Вы не ослышались. Я уверен, что вы сможете мне помочь. Разумеется, я отблагодарю. Да, хорошо.

Мужчина положил трубку и спокойно посмотрел на девушку, готовую провалиться со стыда. Наблюдать за этим стеснением и неуверенностью было слишком тягостно.

– Проходите, мисс Джинджер, – мистер Челленджворс вальяжным жестом показал на одно из уютных кресел в гостиной.

– Но я... Я д-должна пойти сейчас к мисс... миссис Томпсон за феном, верно? – запинаясь, выдавила из себя бедняжка, чем окончательно разозлила своего патрона.

– Нет, вы никуда не должны идти. Экономка сама все принесет. Лучше грейтесь как следует. Сейчас приготовлю вам чай. К чему это бессмысленное упрямство, мисс Джинджер?

Такая постановка вопроса придавила несчастную окончательно.

– Мистер Челленджворс, но я просто не могу допустить, чтобы пожилая леди срывалась из дома в такой час из-за меня! – и Эмили решительным жестом схватила свой ледяной плащ и, как можно незаметнее поморщившись, принялась натягивать его на себя.

Это было последней каплей для аптекаря, который мысленно пел зауспокойную мессу по навсегда потерянному уютному вечеру.

– Да что же вы в самом деле! – девушка встрепенулась от так ей хорошо знакомого повелительного тона. – Если я сказал, что миссис Томпсон придет сама, значит так и будет! Снимайте плащ скорее! И не отказывайтесь в конце концов от чая, иначе последствия вашей прогулки могут быть самыми неприятными.

Надо признать, что деликатный мистер Челленджворс страшил Эмили куда больше, чем властный. Поэтому после его прорвавшегося выпада к девушке чудесным образом сразу вернулись привычное спокойствие и эмоциональная устойчивость.

Эмили покорно повесила плащ на крючок и осторожными шагами прошла в тёплую гостиную. Мистер Челленджворс в это время самоотверженно выполнял своё обещание приготовить горячий чай. Спустя несколько минут он появился из кухни с серебряным подносом.

– Вот, мисс Джинджер, ваш чай. Вы ведь любите с имбирём, насколько я помню?

За всё время сотрудничества Эмили с мистером Челленджворсом девушке ни разу не выпала честь поделиться с шефом своими гастрономическими пристрастиями. Да и с трудом можно было поверить, что мистер Челленджворс смог бы каким-то образом удержать потом эту информацию в голове. Тем не менее никто из этой странной пары развить тему не решился, и Эмили согласилась не рассуждая.

– Неплохой день сегодня, однако!.. – мистер Челленджворс панически боялся неловких пауз, поэтому с видом притворной беззаботности решил перейти на общие темы.

Но тут произошло нечто непредвиденное.

– Простите мою нескромность, – сказала девушка тихо. – Пока вы были в другой комнате, я рассматривала вот эту вот печатную машинку. Надо же какая красивая! И так интервьюеру подходит. Такие вещи не шибко часто увидишь в магазинах...

– О боже мой, ИНТЕРЬЕРУ, Эмили! ИНТЕРЬЕРУ! И как вы сказали: «шибко часто»? – мистер Челленджворс совершенно вышел из себя и почти перешёл на крик.

Его помощница, к сожалению, часто совершала грамматические ошибки, которые были следствием не слишком богатого словарного запаса и не лучшего образования. Импульсивная натура мистера Челленджворса не позволила поправить ассистентку мягко и спокойно, ведь такие ошибки казались ему подлинным кощунством, он принимал нарушение языковых норм чуть ли не за личное оскорбление.

– Ну конечно. Интерьера... – густо покраснела Эмили. – Я... Могу я посмотреть на эту штучку поближе, пожалуйста?

– Не штучку, а редчайший образец антикварного искусства и ... технологического прогресса, – отрезал Челленджворс, не глядя девушке в глаза.

Выдержав паузу в несколько секунд, чтобы утолить своё разгулявшееся самолюбие, Челленджворс снисходительно продолжил:

– Я не против. Приобрел недавно, и очень доволен покупкой.

Всё-таки Челленджворс не мог себе отказать в удовольствии насладиться восторгами подчинённой.

– Ой, мистер Челленджворс, а я вам сейчас, знаете, что скажу? – Эмили зачарованно рассматривала золотую огранку и перламутровый корпус. – Я ведь всё детство мечтала иметь такой же прибор, чтобы можно было записывать, то есть печатать... Такую же вот машинку хотела. А моя тётя... ну не могла она купить, поэтому я... к однокласснице домой бегала, чтобы поиграть... то есть напечатать что-нибудь. Но та машинка, конечно, не чета вашей.

Мистер Челленджворс оскорбленно поморщился от унижительного сравнения. И как же было неуютно, что необразованная ассистентка посвятила его в такие интимные подробности своей личной жизни!

– М-да... – выдавил он наконец из себя. – Вам в секретари в таком случае надо было пойти-там ценят умение ... печатать.

– К сожалению, такую работу я пока не нашла, – сразу помрачнела Эмили.

– Ну, разумеется. С вашим средним образованием, – беспощадно отрезал Челленджворс, убирая со стола выпитую чашку чая.

– Да. У меня только среднее... Не беспокойтесь, я сама схожу на кухню. Давайте чашки!

– Эмили быстро подошла к патрону, стараясь на него не смотреть.

– Э-м, ладно... Что-то миссис Томпсон запаздывает. Надеюсь, ничего не случилось, к-хм...

– Ох, надеюсь, ничего... Боже мой, сколько из-за меня хлопот! Ой, а я и запомнила... Сэр, представляете, у меня как раз есть бумага для вашей новой машинки. Как раз несколько листов! Их оставил мистер Грейтгрин, когда заходил вчера вечером, а я случайно прихватила их вместе с инвентаризацией.

– Неужели?

Мистер Грейтгрин был главой предприятия, поэтому Челленджворс с особой осторожностью относился ко всем его вещам, будь это даже выкуренные сигареты.

– Но я знаю точно, что они ему не нужны. Да-да, поверьте мне, я уж правду говорю. Он много раз оставлял вот такие листочки. И каждый раз, как я ему верну, мистер Грейтгрин не принимает и говорит, что пригодятся на черновики. Только я не очень понимаю зачем это. Оставляю всё равно...

– Хорошо, хорошо, мисс Джинджер. Если дело обстоит так, то не могли бы вы мне дать эту бумагу. Она мне как раз пригодится.

– С удовольствием, мистер Челленджворс.

С сияющей улыбкой Эмили достала из внушительного размера папки несколько плотных добротных листов цвета морской раковины.

– Благодарю вас, – сухо сказал аптекарь.

Тут же раздался резкий продолжительный звонок.

– Это миссис Томпсон. Если вас не затруднит...

– Конечно, сейчас открою.

Мистер Челленджворс, под воздействием неведомой ему до этого силы любопытства, тут же установил листок за валиком.

– А красиво смотрится, однако! – не удержался он от мыслей вслух. – И бумага под стать, ха-ха! Да тут даже виньетка есть...

Не успел джентльмен как следует рассмотреть красивый орнамент и побеспокоиться, сможет ли он без элементарной практики отстукать что-либо вразумительное, как машинка предупредила его опасения и ... напечатала послание ошеломленному мужчине сама.

В этой главе начинают происходить и странные, и закономерные вещи

Листок двигался так быстро, что мистеру Челленджворсу удалось прочитать первую строчку, только когда текст распечатался полностью и листок сам выпрыгнул из пишущей машинки.

*Получишь радость ты, потом – печаль,
Души отвага так здесь пригодится;
Исчезнет сразу смех, потом беда умчится вдаль,
В желаниях своих заставив вновь кружиться*

*Получишь всё, что ты сейчас хотел,
И будешь королём своих мечтаний,
Осталось лишь, чтоб ты сумел
Избавиться от прелести страданий.*

*Ты будешь тем, кем быть ты так хотел,
Мир будет весь твоей мечтою,
Но будешь возвращаться под прищел
Тех мыслей, что сейчас с тобою.*

*Но если задохнёшься взаперти,
Ненужной станет вдруг вся сила,
Три грани должен ты найти
В кристалле, без которого нет мира*

Эмили и миссис Томпсон что-то оживленно обсуждали в прихожей и, судя по всему, приближались к гостиной. Мистер Челленджворс поспешно запихнул листок в карман пиджака. «Что еще за тарабарщина на мою голову?», – подумал он в возмущении. Нелепость происходящего выводила его из себя.

– А! Добрый вечер, миссис Томпсон.

– Ох, добрый вечер, сэр. Как же хорошо получилось, что я передумала избавляться от своего старого фена. Вы знаете, он мне был всё это время не так уж и нужен...

Верная экономка с детской радостью посмотрела на мистера Челленджворса. Она не сомневалась, что в этот дождливый серый холодный вечер её преданность будет особенно вознаграждена. Однако мистер Челленджворс стоял у письменного стола, не обращая на неё ни малейшего внимания. Что касается мисс Джинджер, непродолжительная беседа с экономкой, видимо, хорошо на неё подействовала: девушка выглядела сейчас гораздо увереннее и оживленнее.

– Мм, да-да, – пробубнил Челленджворс куда-то в сторону.

Эмили топталась у двери и не решалась заговорить.

– Мистер Челленджворс, я, пожалуй, пойду. За чай... большое спасибо!

Аптекарь продолжал стоять неподвижно, как будто ничего не слышал. Наконец он очнулся, но ответил как-то приглушенно, всё с той же отрешенностью.

– Да-да, конечно... Разумеется, Эмили. Спасибо за бумаги... то есть за папку...

– Миссис Томпсон тоже уходит, – добавила девушка, виновато посмотрев на старушку, которая самоотверженно пыталась спрятать обиду.

– А-а, ну, конечно, да-да, до свидания!.. – рассеянно бросил Челленджворс.

Гримасы недовольства добропорядочной старушки не возымели своего действия: её патрон так и остался безучастным ко всему происходящему.

Женщины поспешно закрыли за собой дверь, и, только когда раздался звук поворачиваемого ключа, мистер Челленджворс быстро достал плотный лист бумаги с напечатанным на нём поразительным текстом.

«Что за ерунда, черт возьми. Я что, с ума схожу? Нет, всегда думать о работе всё-таки опасно... Но не мог же он сам... нет, это какое-то недоразумение, какая-то полная ерунда...»

В эту минуту джентльмен представлял собою довольно жалкое зрелище. Он вцепился в свои волосы и лихорадочно сновал из угла в угол, выпучив глаза.

«Что за глупый стих? Точно! – мистер Челленджворс хлопнул себя по голове, – его подложил авантюрист Грейтгрин! А кто ж ещё на такое способен? Только вот зачем это ему понадобилось? И почему машинка сама начала печатать?.. А-а, чёрт возьми, черт возьми!..»

Между тем за всеми заботами время приближалось к полуночи, а мистер Челленджворс ещё ни разу за свою сознательную жизнь не нарушил привычки ложиться строго до одиннадцати, поэтому, посмотрев на часы, несколько секунд не мог пошевелиться от ужаса.

«О боже мой, о боже мой! Да я что, совсем спятил?» – и аптекарь безжалостно скомкал листок и хотел выбросить его в корзину для мусора, как в последнюю секунду решил все-таки засунуть клочок бумаги в дальний ящик письменного стола, там, где хранил свои недавние научные разработки. Спустя несколько минут мистер Челленджворс на всех парусах помчался принимать вечерний душ, как будто от скорости, с которой он совершал этот ритуал, зависела его жизнь, и даже забыл при этом бросить прощальный взгляд на пишущий прибор, внесший сегодня столько сумятицы в его размеренную отлаженную жизнь.

Через полчаса он уже спал покорным, запланированным сном.

Утром мистера Челленджворса разбудило яркое солнце. Он не ожидал его увидеть с начала октября, когда город заволокли беспросветные тучи, а холодный ветерок разбивал все надежды насладиться хорошей погодой чуть дольше. Сетования на плохой климат давно вошли в привычку аптекаря. Можно сказать, что это было особым видом утренней зарядки: только так мужчина пробуждал не тело, а свой воинственный дух. Негативные эмоции заряжали его не меньшей энергией, чем положительные, поэтому, внезапно потеряв объект своего ворчания, мистер Челленджворс совсем растерялся. Что-то выходило из-под контроля.

«Хм, а солнце, однако, прямо как на заказ! Вот и небесная канцелярия начала ко мне прислушиваться, ха-ха!» В восторге от своей оригинальной мысли Челленджворс одним прыжком вскочил с постели и направился завтракать. Обычно утром он питался довольно однообразно и неплотно, так как миссис Томпсон приходила только к обеду, и завтрак приходилось готовить самому. Однако, к изумлению нашего героя, на столе уже красовался малиновый пудинг, три пирожных с апельсиновой, лимонной и шоколадной глазурью – любимое его лакомство – и большая чашка горячего кофе.

«Вот так дела, – изумился мужчина, – что это случилось со старушкой? Не помню, чтобы мы вчера о чём-то подобном договаривались».

Озадаченный, но, не скроем, счастливый, он осторожно присел на кончик стула, будто бы боялся, что великолепный завтрак исчезнет, если слишком быстро и резко к нему подойти. Лакомства выглядели так соблазнительно, что выдержать долгую паузу не хватило сил. Спустя всего несколько минут счастливый обладатель сладостей уминал последний кусочек.

«Просто с ума сойти можно, она никогда так вкусно не готовила! А мне это, черт побери, нравится!», – думал про себя мистер Челленджворс. Почему-то его совсем не озадачил тот факт, что сама миссис Томпсон как будто куда-то испарилась, ведь обычно она оставалась в квартире до позднего вечера. Однако задавать вопросы расслабленному Челленджворсу кате-

горически не хотелось. Он чувствовал, что это опасное занятие может спугнуть благодатное настроение порядка и покоя, которое им сейчас полностью овладело.

По дороге на работу мистер Челленджворс с улыбкой снисхождения взирал на привычные витрины дорогих магазинов. Какие-то они были сегодня на удивление не раздражающими. Он даже специально остановился, чтобы похвалить вкус одного из декораторов. Детский визг также не представлял угрозы для его тонкой нервной системы. Аптекарь кружился в калейдоскопе стройных звуков, плавных линий и гармоничных форм. Какая-то лёгкость охватила все его тело, ему казалось, что он даже не прикладывает усилий, чтобы просто передвигаться по улице. «А мне это нравится! Вот что нужно сказать», – только и твердил джентльмен про себя.

Несмотря на привычное оживление на улице в восемь часов утра, мистер Челленджворс ещё не успел разозлиться ни на одного попрошайку, и ни один невежа не умудрился толкнуть его локтем и вызвать приступ гнева, не попадались и «разряженные дамочки», как он привык называть излюбленный предмет своей критики. Челленджворс почувствовал, что он как будто огорожен невидимой стеной от всего неприятного, нервирующего, не вписывающегося в его систему ценностей. Он не замечал людей – это был просто круговорот лиц, ни на одном из которых не хотелось долго задерживаться. Странная размытость окружающего не отменяла бодрого настроения. Мужчина упивался ощущением подконтрольности этого дня собственным предпочтениям и желаниям.

Едва войдя в аптеку, он сразу же обратил внимание на свежую уборку. Эмили стояла за прилавком и протирала новые упаковки лекарств.

– Доброе утро, мисс Джинджер! – энергично поприветствовал девушку начальник.

– Доброе утро, мистер Челленджворс, – быстро ответила ассистентка и сразу же юркнула в огромную грудку коробок, которую ей предстояло сегодня разгребать.

– Были у нас уже посетители? – продолжал жизнерадостный фармацевт, даже и не подумав вспомнить о вчерашнем происшествии.

– Нет, что вы, мистер Челленджворс, мы же открываемся в девять, а сейчас только без пятнадцати минут.

Девушка осторожно поставила тяжелую коробку на прилавок и опять принялась за свою кропотливую работу.

– Ах, ну да, ну да... Конечно, – мужчина положил свой портфель и начал рассеянно озираться по сторонам, не в силах подавить досаду, что его помощница пришла раньше и теперь каким-то невыносимым для него образом придётся поддерживать с ней беседу. Впрочем, его растерянность длилась недолго. Эмили, судя по всему, и сама не намерена была обращать на мистера Челленджворса повышенное внимание и спокойно занималась своей работой. В её движениях чувствовалась заданность и отточенность, что действовало на аптекаря упоительно.

Через десять минут раздался звонок.

– Мистер Челленджворс, это вас, – Эмили с едва уловимой улыбкой протянула патрону трубку.

– Спасибо, мисс Джинджер... Да-да, слушаю. А, мистер Грейтгрин? Рад, рад вас слышать. Да, у нас всё в порядке. Ах-ха-ха, ну, спасибо, спасибо!

Так уж получилось, что на протяжении непродолжительного разговора мистер Челленджворс менялся в лице несколько раз: из ярко-розового оно превращалось в бледное, и наоборот. Мужчина положил трубку и несколько секунд продолжал стоять в застывшей позе, затем он ликующе посмотрел на девушку.

– Мисс Джинджер... Я...

Эмили испугалась: глаза шефа выражали сложный, почти страшный оттенок из смеси чувств – он смотрел испуганно, в одну точку, и можно было подумать, что вот-вот упадет в обморок. Однако если мистер Челленджворс и мог сейчас потерять сознание, то исключительно от радости, сильной, небывалой, всеохватывающей.

– Я... – Челленджворс постарался собрать хладнокровие в кулак, но всё равно у него получилось нечто среднее между криком и взвизгом, – я теперь буду полновластным владельцем аптеки! Понимаете вы это? Полновластным хозяином!! На Грейттрина свалилось какое-то заоблачное наследство, вот везунчик! Поэтому он решил открыть новый бизнес, и представьте себе, в Америке! Да, не спрашивайте, я сам пока до конца ничего не понял. Самое главное: «Дом Асклепия» он мне уступает за бесценно! Только вдумайтесь в это!

– Я очень рада за вас, сэр, – скромно ответила мисс Джинджер. Молодая ассистентка всегда стеснялась слишком сильного проявления чувств в присутствии коллег. К тому же ей самой было сейчас сложно понять – радоваться этой новости или из-за неё волноваться.

Аптекарь совсем не мог устоять на месте и вприпрыжку ходил из стороны в сторону, улыбаясь во всю ширину рта. Эмоции его настолько распирала, что он не выдержал и даже один раз подпрыгнул на месте, чем окончательно смутил помощницу.

Вдруг резко зазвонил колокольчик, и в аптеку стремительно ворвалась маленькая девочка.

– Бог мой, Линда! Как ты сюда попала? Что случилось? – Эмили одним движением перескочила от прилавка к входной двери; испуганный ребенок растерянно хлопал глазами.

– Алма гулять со мной не захотела.

– Что? Как так?

– У неё зуб заболел, она сказала, чтобы я шла сюда, что ты здесь.

– Вы гуляли в сквере?

– Да, – выдавила из себя девочка и, казалось, очень хотела при этом картинно заплакать.

Потом её взгляд упал на незнакомого мужчину.

– Простите, сэр. Это... этой мой ребенок, – сконфуженно объяснила Эмили.

Челленджворс поднял брови.

– Ну... то есть не мой. Моя сестра, вы знаете, в прошлом году уехала в Австралию... На стажировку. И вот, всё еще не вернулась... Поэтому девочка пока живет у меня.

– Да, ваша сестра, похоже, сама организует стажировки. И вы будете практиковаться в воспитании детей, – мистер Челленджворс никогда не терял способности к бодрящему скептицизму.

– Ну, мне только в радость быть с Линдой...

Ребенок робко посмотрел на мужчину, самодовольно раскачивающегося из стороны в сторону.

– Можно она сегодня побудет здесь, со мной? Моя соседка такая ненадежная, – Эмили замялась и старалась не смотреть в глаза начальнику, – хотя я, конечно, понимаю: у человека всегда может заболеть зуб... Но ведь можно было хотя бы привести ребенка самой?.. Я так перепугалась за девочку, – девушка села на карточки и принялась отряхивать и без того чистую курточку любимицы.

– Хорошо, мисс Джинджер, – снисходительно сказал мистер Челленджворс. – Если ребенок не будет мешать нам работать, я согласен оставить её здесь. Вон там, за прилавком, есть кресло. Я надеюсь, вы найдете чем её занять?

– О, можете не беспокоиться! Девочка очень тихая и послушная. Я уверена, она не доставит нам... то есть вам... никаких хлопот.

Челленджворс кокетливо улыбнулся одним уголком рта и, словно актер мюзикла, франтовским жестом повернулся вокруг своей оси.

– Мисс Джинджер, впрочем, у меня сегодня слишком хорошее настроение, чтобы я что-то вам запрещал. – и не сказав больше ни слова, он подпрыгивающей походкой направился в сторону кабинета мистера Грейттрина.

– Садись сюда. Не бойся, – Эмили усадила девочку на небольшое низенькое плюшевое кресло под прилавком, скрытое от глаз посетителей, а затем смоделировала небольшой «сто-

лик» из оставшихся после выгрузки лекарств коробок. – Возьми свою книжку. Я тебе раскраску тоже взяла. Бери! – Эмили протянула ребенку тоненькую книжку с черно-белыми изображениями, которую девочка сразу же хмуро отклонила.

– Мне, что, здесь весь день сидеть? – выдавила Линда, растягивая слова и тряся ногами.

– Не капризничай, пожалуйста. Других вариантов у нас всё равно нет. Ты, что, не рада, что сейчас со мной, а не одна на улице? – сурово оборвала строптивницу тетя, после чего девочка притихла и уже не пыталась обратить на себя внимание капризами.

Было без пяти девять, и в магазин, напевая модную глупую песенку, ворвалась мисс Лара Пуш, молоденькая студентка, работающая в аптеке продавщицей. У неё не было медицинского образования, как и у Эмили, но в отличие от неё, она даже не пыталась разобраться в препаратах и о многих лекарствах знала только понаслышке. Ни мистер Челленджворс, ни даже терпеливая Эмили не питали особой симпатии к шумной и легкокрылой Ларе, главным и любимым развлечением которой были свежие сплетни города. Девушке было всего девятнадцать, и она училась в институте на менеджера по продажам: и спроси её саму, что это за специальность и чему её учат, вряд ли бы она ответила. Мистер Челленджворс вызывал помощницу только два раза в неделю, когда сам должен был составлять отчёты и оформлять сделки с поставщиками. Каждый раз, когда мисс Пуш появлялась в дверях магазина, у него моментально портилось настроение. Аптекарь очень боялся, что своей фамильярностью эта девица способна подпортить репутацию целого предприятия, и, даже сидя в кабинете за стенкой, он иногда не выдерживал и бросал административную работу при звуке входного колокольчика. «Я спасу хотя бы одного клиента сегодня!» – думал он про себя, героически перехватывая инициативу и не давая Ларе раскрыть рот. Вы думаете, девушка при этом смущалась? Чувствовала себя виноватой и пыталась исправиться? Вообразите себе, что мисс Пуш и в голову не приходило стесняться, когда она радостно потирала руки и с идиотическим смешком шептала Эмили: «Ты посмотри, сам всё за меня делает. Ну, не работа – мечта!». Эмили старалась как можно деликатнее отстраниться от таких разговоров, но Лара, кажется, совсем не понимала намеков...

Почему же шумная и непредсказуемая мисс Пуш всё еще оставалась работать в фармацевтическом магазине, который ну никак не вписывался в её жизненные планы? Всё дело было в мощной протекции самого мистера Грейттрина. Ничего не поделаешь: отец девушки сыграл ключевую роль в его блестящей карьере предпринимателя (правда, подробности этой загадочной истории не знали даже близкие друзья мистера Грейттрина), поэтому владельцу самой крупной аптеки в городе просто нельзя было отказать в такой небольшой услуге своему покровителю. Мистер Пуш искренне полагал, что дочери работа необходима в чисто терапевтических целях – от излишней болтливости, расхлябанности и неделикатности в общении. Знал бы только этот почтенный господин, что побочные эффекты впоследствии оказались сильнее самого лекарства.

– Привет, Эмили! – в меховой накидке и с большой сумкой на плече Лара уверенно двинулась к прилавку. – Сегодня среда, не забыла? А это значит, я здесь, ха-ха! Заждались меня?

– Доброе утро, Лара, – не поднимая глаз, тихо ответила Эмили.

– А что такая кислая?

– Мне нужно рассортировать упаковки, я должна работать, извини, – всё еще вполголоса и не удостоивая коллегу взглядом попыталась закончить разговор Эмили.

– Да вы только посмотрите: с самого утра – и сразу в бой!

– Будь добра, не клади сумку на прилавок. Всё-таки она у тебя не пёрышко. Да и стекло потом опять протирать... Ты же знаешь, мистер Челленджворс это не любит.

– Ха-ха-ха, ты что, всё еще называешь его мистером Челленджворсом? Эмили, да это просто умора! Тебе не приходило в голову, что всё может быть попроще?

Лара уперла одну руку в бок, а вторую положила на прилавок; она не обращала никакого внимания на отстранённость напарницы и широко ей улыбалась, наклонив голову.

– Мистер Челленджворс сам с нами уважительно общается. Мы должны это ценить и отвечать тем же.

Лара лукаво посмотрела на Эмили и секунды три помолчала.

– И почему ты только такая упрямая и не хочешь со мной подружиться? Ты знаешь, мне кажется, тебе пригодилась бы такая подруга, как я.

Опять резко зазвонил колокольчик, и обе девушки встрепенулись.

– О нет, опять принесла нелегкая доходягу, – Пуш закатила глаза и изобразила головокружение.

– Тише! – шикнула в ответ Эмили. – С ума ты сошла, а если он услышит?

– Этот? Услышит? Скорее, я полечу завтра в космос, дорогуша.

В дверях растерянно топтался аккуратный старичок небольшого роста и скромно улыбался. Одной рукой он опирался на деревянную трость, в другой держал авоську с яблоками и картофелем. Расстояние от входа до прилавка давалось ему очень нелегко, поэтому Эмили быстро подбежала, чтобы помочь с сумками.

– Давайте яблоки, сэр, я помогу вам.

– Спасибо, спасибо, моя дорогая. Как же приятно старику начинать утро встречей с такими прекрасными юными леди.

Вторая прекрасная леди покачала головой и не удержалась от громкого фырканья. Волноваться было не о чем: рядом со старичком можно было хоть стучать кувалдой – его слуховой аппарат нуждался в серьёзной реставрации.

– Достань, пожалуйста, «Акустин», Лара, – мягко попросила Эмили, осторожно взяв посетителя под руку.

– Ясно дело, могла бы и не напоминать. Он у меня всегда по средам здесь, – девушка указала на выдвижной ящик прямо у кассового аппарата. – Да и рано ты меня просишь. Пока вы с этой улиткой доползете до прилавка, я смогу добежать до поставщиков в соседнем городе, чтобы закупить «Акустина» на два года вперед.

Эмили только вздохнула.

Внезапно дверь кабинета открылась.

– Мисс Джинжер, можно вас на минутку? А, мисс Пуш, доброе утро, – добавил мистер Челленджворс упавшим голосом.

– Здравствуйте, мистер Челленджворс! Ну меня-то вы можете называть просто Ларой, ЛА-РОЙ, – девушка одарила мужчину жеманной улыбкой.

Чем-то озабоченный, мистер Челленджворс на секунду задержал на ней взгляд, но выражение его лица при этом осталось неизменным. Эффекта от ремарки мисс Пуш было не больше, чем от пролетающего комара – глубоко погруженному в свои мысли аптекарю требовалась встряска куда посерьёзнее, чем прямолинейные ужимки.

– Д-да, конечно, мисс Пуш, поставщики обязательно учтут это, – ответил он быстро и тут же захлопнул дверь.

Лара развела руками и скорчила гримасу.

– Беги-беги к своему патрону, милочка! Кстати, что это он в кабинете шефа, не знаешь? Не иначе с ума сошел от зависти и решил примерить роль главного в его отсутствие?

– Пожалуйста, займись нашим покупателем. Лара, пожалуйста, надо всё сделать хорошо, – умоляюще прошептала Эмили.

– Да успокойся ты. Знаешь же, что могу, когда захочу.

Лара вальяжной походочкой подошла к пожилому господину, встретившему её лучезарной улыбкой.

Эмили постучала. За дверью раздался вкрадчивый голос.

– Проходите, проходите, мисс Джинджер. Есть пара-тройка организационных вопросов, – Челленджворс раскладывал на столе стопки бумаг, – надо бы их с вами уладить. До сих пор поверить не могу, – он поднял светящиеся от ликования глаза, – теперь я здесь главный, главный!

– Да, мистер Челленджворс, это очень хорошая новость для всех нас.

– Да полно вам, – аптекарь слабо улыбнулся, – бьюсь об заклад, что то легкокрылое создание, которое приходит к нам по средам и...

– Пятницам, сэр.

– ... Да, пятницам. Будет в ужасе от этой вести, – мистер Челленджворс беззвучно, по шерлокхолмовски засмеялся и постучал тонкими пальцами по дубовому столу. – Впрочем, вернёмся к нашим делам. Мисс Джинджер, мне сегодня везет. Мне невероятно, прямо-таки сверхъестественно везет, и я, право же, не знаю, кого за это благодарить...

– Это закономерно, сэр. Мистер Грейтгрин всегда считал вас своим преемником. Вы заслужили стать владельцем аптеки своим трудолюбием и преданностью работе.

Челленджворс чуть заметно улыбнулся, но тут же напустил на себя строгий вид, в страхе, что девушка могла заметить это непроизвольное проявление чувств.

– Спасибо, Эмили. Но я не об этом. Не прошло и часа после моего назначения, как позвонил Роджерс... Вы помните Роджерса?

– Это тот самый предприниматель, который приходил к нам в прошлом году, чтобы попросить часть аптеки на аренду?

– Да-да, в аренду, – поправил девушку аптекарь, – и вот теперь он хочет не просто воспользоваться нашим вторым залом, а купить его!

– К-купить? А...

– Понимаю вашу растерянность, мисс Джинджер. Для меня самого это было большим сюрпризом и заставило серьёзно понервничать, но в итоге...

– И вы продали?

Эмили не сдержалась и перебила начальника. Обычно спокойная, она густо покраснела, её голубые глаза округлились, а губы задрожали. Следы такого сильного эмоционального беспокойства на её лице можно было увидеть очень редко, поэтому аптекарь невольно задержал на ней взгляд дольше обычного.

– Зачем же так волноваться, мисс Джинджер? Во-первых, переговоры ещё только предстоят: он к нам заедет в ближайшие два-три часа. А во-вторых, как я понял по его голосу, предложенная сумма с лихвой окупит все наши возможные убытки. Не забывайте, мы всё-таки будем располагать ещё одним залом...

– Но, сэр. Работа аптеки была так хорошо отлажена, да и на прибыль вы никогда не жаловались. И к тому же мистер Роджерс такой... ну вы знаете... я ему не очень-то доверяю... Чего стоят увольнения в его фирме каждый месяц. Одна моя знакомая рассказывала...

Но поток незапланированного радушия мистера Челленджворса, вызванного сегодняшней эйфорией, внезапно иссяк, и на его место пришло привычное сдержанное высокомерие. Он вдруг осознал, что дистанция между ним и подчинённой сокращается до угрожающей отметки, поэтому сухо попросил девушку продолжить работу и постараться не лезть в дела руководства.

Эмили, не мешкая, удалилась.

Мистер Челленджворс чувствует вкус жизни

Эмили быстро вернулась к работе и на все расспросы неугомонной Лары отвечала односложно и сухо. Ларе игра в одни ворота быстро надоела, и ей пришлось заниматься покупателями вместо болтовни.

Посетителей в этот день было на удивление много. На плохую торговлю «Дом Асклепия» и так никогда не жаловался, но сегодня мисс Пуш даже было некогда подправить тушь и подкрасить губы, что стало причиной её растянувшегося на весь день хныканья и причитаний.

Около полудня в аптеку неторопливо вошёл импозантный господин лет пятидесяти. И если бы девушкам удалось хотя бы на несколько секунд оторвать глаза от кассового аппарата и окинуть взором весь зал, они непременно бы заметили нового клиента – пропустить его было невозможно. Мужчина был одет в длинное серое кашемировое пальто до пола, на его плечах небрежно лежал длинный белый шелковый шарф, а на голове красовалась несколько старомодная, но явно недешевая тёмно-синяя фетровая шляпа. Презентабельный посетитель быстро измерил взглядом просторное помещение и невозмутимо принялся дожидаться своей очереди, время от времени самодовольного улыбаясь.

– Эмили, посмотри! Вот это фрукт! – шепнула Лара, прищёлкнув языком.

– Не отвлекай, пожалуйста. Тебе что, работы мало сегодня? – Эмили не подняла голову и даже не догадывалась, как ей придется удивиться спустя всего несколько секунд.

– Мистер Роджерс?! – Эмили от неожиданности выронила упаковку таблеток. – А мы... мы вас ждали... то есть мистер Челленджворс... Пожалуйста, проходите в его кабинет, комната вон там, за последним стеллажом.

Лара наострила уши и посмотрела исподлобья на необычного посетителя и Эмили. Мистер Роджерс вальяжно заулыбался и не без усилия открыл рот, томно растягивая слова:

– Я был весьма рад ожиданию, осматриваться здесь так приятно!..

В течение ещё нескольких секунд высокий гость мечтательно пробежал глазами высокие, недавно покрашенные потолки, а затем, не сказав больше ни слова, чинно проследовал до офиса мистера Грейттрина.

– Ну и чудик. Ты что, знакома с ним? – зашипела Лара, нагнувшись к Эмили.

– Понаслышке.

Лару этот скупой ответ совсем не устроил, и она учинила коллеге допрос с пристрастием, никак не реагируя на скромные попытки следующего клиента обратить на себя внимание. В очереди раздалось ворчание, угрожающее перерасти в бунт, после чего Лара уже не решилась заговорить с напарницей.

Тем временем в кабинете мистера Челленджворса разворачивалась любопытная дискуссия.

– Итак, Роджерс, вот мы с вами и встретились опять! – аптекарь упёрся локтями в стол, а кисти рук сложил конусом, так что кончики пальцев касались друг друга.

– Я всегда надеялся на возвращение, мистер Челленджворс. Но не знал, что вести переговоры буду именно с вами, – коммерсант настолько смягчал каждое слово, что обычно его собеседники чувствовали себя вымазанным в мёде, но новоиспеченный предприниматель, судя по всему, против такой манеры общения не возражал.

– Ну что ж, давайте сразу перейдём к делу, – Челленджворс резким движением придвинул стул на колесиках к столу и в упор посмотрел на посетителя. – Итак, что вас ко мне привело, мистер Роджерс?

Не дождавшись приглашения сесть, мистер Роджерс с исчезающей полуулыбкой медленно опустил на повидевший виды табурет рядом с кучей пыльных коробок.

– Любезный Джон, – аптекарь при этих словах слегка поморщился, – я пришёл сюда отнюдь не с пустыми словами и обещаниями. Я ведь уже говорил, что готов отдать за часть этого помещения сумму, в два раза превышающую среднюю по рынку?

– М-да... И сегодня вы повторили это по телефону, верно? До этого, разумеется, подобными делами занимался только мистер Грейтгрин. Вы ведь не первый раз к нам приходите с таким предложением?

– О, да-да, – мистер Роджерс продолжал полуулыбаться, – но ваш хозяин... – он перехватил недружелюбный взгляд мистера Челленджворса, – то есть ваш бывший хозяин... всё не соглашался.

– Вероятно, у него были на то веские причины, – Челленджворс постучал кончиками тонких пальцев по столу.

– Безусловно, это так, – вкрадчиво подтвердил мистер Роджерс. – Но решать-то теперь вам, милостивый государь. Думаю, в случае с мистером Грейтгрином дело было только в цене... Что вы скажите теперь, когда я предложу сумму... скажем, в пять раз превышающую ранее назначенную? Здесь только часть, чтобы заслужить ваше доверие.

И мистер Роджерс аккуратно положил внушительную пачку купюр рядом с серебряной пепельницей. На секунды две аптекарь застыл, испытывая собеседника пытливым взглядом.

– Роджерс, вы серьёзно? Вы не шутите? – отойдя от шока, проговорил наконец Челленджворс.

– Я знаю, что вы в принципе не любите шуток, Джон.

– Но это... это... это ведь огромная сумма!.. – воскликнул аптекарь с плохо скрываемым восторгом в голосе.

– Допустим, – спокойно сказал Роджерс, – а вообще, деньги – вещь относительная. Как и представления об их количестве.

Мистер Челленджворс сделал вид, что последнюю фразу не услышал. Разговоры о бренности и относительности материальных благ доводили его до нервной горячки, а личностей, которые затягивали подобную унылую песенку, он считал занудными опасными пижонами.

– Так каково будет ваше решение, мистер Челленджворс? Если вам нужно время на размышления, я готов ждать еще несколько дней.

– Да какие тут могут быть размышления! – воскликнул Челленджворс, чуть было не вскочив со стула, но, вовремя опомнившись, продолжил как можно более спокойным тоном. – Я думаю, нет смысла затягивать с решением. Мой ответ положительный. – Челленджворс сразу же взял тяжеленькую пачку и положил деньги в свой кожаный портфель. – Останется только оформить необходимые документы. К сожалению, обычно это занимает массу времени. Но ничего, у меня есть помощники. Надо бы разобраться со всем в ближайшее время.

Мистер Роджерс медленно потянулся к своей великолепной сумке из крокодиловой кожи. Через мгновение перед аптекарем лежала аккуратная серебристая папка.

– Конечно, я предвидел все ваши затруднения, мистер Челленджворс. Поэтому заранее подготовил бумаги. Здесь и визитка моего юриста, на тот случай, если какая-то закорючка или формулировка окажется вам непонятной. Всё, что от вас требуется, – лишь поставить свою подпись.

«Черт возьми, откуда этот тип так хорошо меня знает?» – подумал про себя озадаченный, но от этого не менее счастливый аптекарь.

– Э-э, ну ладно, хорошо. Очень хорошо. Но мне ведь надо со всем, так сказать, ознакомиться... Я ведь не могу вот так сразу всё подписывать, – мистер Челленджворс механически перебирал стопку документов, пытаясь сообразить в панике, сколько же времени может уйти на их изучение.

– Ну что вы, что вы, мистер Челленджворс! Разумеется. Изучайте всё в тишине и спокойствии. А если у вас возникнут вопросы, я с радостью всё вам разъясню сегодня вечером.

– Сегодня вечером?

– Ах, да. Я и запамятовал. Сегодня вечером в моём доме намечается торжественный приём для всех крупных предпринимателей города, и я просто не мог отказать себе в удовольствии пригласить на праздник новоиспеченного члена нашего радостного общества.

Мистер Челленджворс улыбнулся и немного покраснел.

– В сущности, ничего особенного. Так, пустяки, простая домашняя вечеринка. Я с удовольствием познакомлюсь с вами поближе: общались мы с вами не так долго, как хотелось бы, – по-прежнему медленно и мелодично мурлыкал щедрый посетитель, при этом обходительно наклонив голову к Челленджворсу.

«Мало общались? Да когда мы вообще с тобой общались, чудак? Память мне отшибло, что ли?»

– Вот мой адрес, – Роджерс протянул добротную глянцевую карточку. – Я живу совсем недалеко отсюда.

Не дожидаясь ответа собеседника, импозантный торговец поднялся с табурета, взял сумку и не спеша направился к выходу.

– До свидания, мистер Челленджворс. Сотрудничать с вами – одно наслаждение.

Аптекарь и сам не горел желанием задерживать гостя, поэтому быстро попрощался с галантным мистером Роджерсом, желая оставить все сложные вопросы на потом. Но сразу после того, как Роджерс повернул ручку, опомнился и крикнул:

– Родж... Мистер Роджерс, я совсем забыл спросить. А что вы планируете здесь продавать?

Коммерсант нехотя повернул голову.

– Парики и карнавальные маски. А еще вставные челюсти. Но это будет другой отдел.

Учитывая количество и качество событий, свалившихся в один день на голову мистера Челленджворса, держался он хорошо. Обычно столь чувствительный даже к незначительным изменениям в привычном распорядке дня, сейчас он был на удивление спокоен. Он мог бы чувствовать смятение, беспокойство о будущем, сомнение в конце концов, как с ним часто бывало. Но на смену всем неприятным чувствам пришло одно – смиренная, ничем не омрачаемая радость. Спустя несколько минут после разговора с мистером Роджерсом мужчина вышел из кабинета и любезнейшим образом обслужил сразу десять посетителей, невероятного этим обрадовав ассистенток, которые не могли припомнить на своей памяти такой насыщенный покупателями день, как сегодня. Девушки едва держались на ногах и уже отрецивались от любой денежной премии, лишь бы отдохнуть как следует после изматывающего круговорота лиц. Мистер Челленджворс, напротив, был бодр, как ясное майское утро и терпелив с не прекращающимся потоком людей, так же, как Давид был терпелив с Семеем.

– Мисс Джинджер, можно вас на минутку, – с мягкой улыбкой шепнул он на ухо ассистентке.

Отойдя в дальний угол, мистер Челленджворс кратко объяснил Эмили, что сегодня вечером ему нужно будет уйти чуть раньше положенного времени, и он очень надеется на ответственность своих помощниц (в обычные дни двери магазина он закрывал всегда сам и продавцам дубликаты ключей не отдавал).

– Закроете все списки, посчитаете выручку. Завтра в девять жду от вас полного отчета. Разумеется, за отдельную плату, мисс Джинджер. Ну, хватит, хватит. Не волнуйтесь вы так. Вы со всем справитесь! – Челленджворс повернулся щеголеватым жестом и приветливо поздоровался с новым покупателем.

Несмотря на бодрый тон шефа, девушка не могла отделаться от ощущения, что что-то происходит не так. Она первый раз видела начальника в таком приподнятом настроении в

середине рабочего дня, а пожелание доверить ей ключи от помещения показалось пугающе странным.

«Наверное, эта сделка оказалась ещё более удачной, чем он предполагал», – закончила про себя Эмили со вздохом.

Что касается мистера Челленджворса, то он, нисколько не устав, обслужил ещё пару десятков посетителей и без четверти пять уже помчался домой, перед этим бережно сложив несколько сотен увесистых пачек денег в свой неизменный чёрный портфель. Аптекарь до сих пор не мог поверить в фантастическую щедрость бывшего босса – мистер Грейтгрин разрешил преемнику распорядиться прибылью по своему усмотрению, но в интересах предприятия, как он добавил со смешком в конце. Мистер Челленджворс, конечно, не нуждался в подобных издевках: он, как никто другой, любил и умел бережно относиться к деньгам. Только подсчет приятно пахнущих купюр привел ошарашенного работягу в самое приподнятое состояние духа.

У мужчины совсем вылетело из головы, что надо бы поблагодарить миссис Томпсон за божественно вкусный завтрак, но добрая экономка и без лишних комплиментов встретила его необычайно дружелюбно и весело.

– Как вы рано, сэр, – приветствовала она его в прихожей, с массивным чайником в руках и цветастым полотенцем на шее, – но я, к вашему счастью, всё успела приготовить на ужин и даже немного убралась в кабинете.

Последние слова пожилая леди произнесла с очаровательной широкой улыбкой. Ничто в её облике не свидетельствовало о недавней обиде на нечуткое поведение хозяина. Сам мистер Челленджворс о дождливом вечере и не вспоминал.

– Правда, мистер Томпсон? – произнес он, поворачивая к экономке только голову и вешая пальто на высокую вешалку. – Какая радостная новость! Но вы можете поставить ужин в холодильник до лучших времен.

Экономка обреченно опустила руки и посмотрела на Челленджворса взглядом священника, к которому пришли с покаянием.

– Не принимайте это близко к сердцу, миссис Томпсон, – аптекарь вернулся к своему спокойному тону, щедро сдобренному теплыми умиротворяющими интонациями, – я всё обязательно попробую. Только не сегодня.

Мистер Челленджворс стремительно последовал в спальню и, не закрывая двери, начал с лихорадочной поспешностью ворошить вещи в гардеробе.

– У вас на вечер какие-то планы, сэр? – бросила ему вдогонку миссис Томпсон.

Последовало краткое и громкое «да», после которого дверь в спальню с шумом закрылась, и несчастная женщина была вынуждена отчалить на кухню к своему великолепному нетронутому ужину. Её самолюбие было удовлетворено спустя несколько минут, когда мистер Челленджворс мило извинился за возникшее недоразумение. Достоверно известно, что состояние добропорядочной женщины стало еще лучше (старушку даже потянуло затянуть одну из популярных песенок), когда мистер Челленджворс предложил ей два дополнительных выходных дня и солидную прибавку к жалованью. Объяснив верной помощнице, что сегодня вечером ждать его дома уже не имеет смысла, он поспешно попрощался с дамой, накинул пальто и выскочил на улицу.

Ноябрьское солнце, казалось, отдавало долг за сентябрь. Если бы наш герой не устал удивляться в течение этого дня, его восторги было бы сложно умерить. Теперь же он пришел к такому состоянию духа, когда каждое удовлетворение даже мельчайшего его пожелания воспринималось как должное. Его бы скорее удивило сейчас неприятное событие, странным образом протиснувшееся в череду сплошных радостей и удовольствий. В зеркале он показался себе на удивление недурно сложенным. На нём великолепно смотрелась белая шёлковая рубашка, идеально севшая по фигуре, и черный фрак, который стоил три зарплаты и доставался из гар-

дероба только в исключительных случаях. До этого момента таких значительных событий в жизни мистера Челленджворс было всего два: назначение на должность главного фармацевта и начальника по продажам в «Доме Асклепия» и похороны ближайшего конкурента мистера Григу. И вот сейчас мистер Челленджворс снова почувствовал себя вправе надеть этот отмеченный печатью торжественности костюм. Его дорогие янтарные запонки гармонично сочетались с неизменным элегантным аксессуаром – наручными золотыми часами с вензелем на циферблате.

Несмотря на то, что дорога до дома мистера Роджерса заняла бы у него не больше времени, чем привычный путь до аптеки, джентльмен решил взять такси из-за страха запачкать начищенную до блеска обувь – эта пара туфель также хранилась в специальном уголке шкафа и еще ни разу не была подвергнута долгим прогулкам.

Спустя всего десять минут мистер Челленджворс был на месте. Отдав водителю сумму, в два раза превышающую тариф, он с улыбкой направился к парадному крыльцу. Слишком сложно было остаться равнодушным при виде величественного роскошного дома в барочном стиле. Из-за его размеров у привычного мистера Челленджворс испортилось бы настроение – настолько часто он привык сравнивать своё материальное положение с благосостоянием знакомых. Но сегодня, как это ни странно, аптекарь только одобрительно покачал головой и выразил свой восторг звучным возгласом. Дом украшали мраморные колонны, благородно переливающиеся на солнце. Кроме того, на крыше располагался огромный цветник, который даже в это время года утопал в разнообразных ароматных растениях. Дубовую дверь с золотой ручкой украшали утонченные пилястры с капителью.

Мистер Челленджворс, выдохнув, позвонил. Всего через несколько секунд камердинер в белых перчатках открыл дверь, попросил назвать своё имя и, как только аптекарь представился, с удвоенным почтением взял у гостя портфель и верхнюю одежду. Спустя мгновение изумлённый посетитель уже находился в просторном зале, посреди которого располагался огромный прямоугольный стол, ломившийся от закусок и напитков. Вся комната была украшена цветами: азиями, розовыми гвоздиками, геранью... Особенно бросались в глаза горы георгинов: вазы с этими цветами стояли не только на обеденном столе, тумбочках и подвесных полочках, но и на полу. Несколько цветков красовались даже на люстре. В зале раздавалась расслабляющая музыка, дом уже был полон гостей: кто-то стоял с бокалом шампанского и заливался хохотом, а некоторые пары мило ворковали, медленно танцуя. Мистер Челленджворс крайне смутил тот факт, что, стоило ему появиться, все сразу же повернули голову в его сторону. Хотя где-то в глубине души наш герой всегда страстно мечтал о славе и внимании.

– Благодарю за честь, милостивый государь!

К мистеру Челленджворсу как будто ниоткуда выплыл розовощекий хозяин дома. На его плечах по-прежнему красовался белый длинный шарф.

– Признаться право, я сильно опасался, что вы можете не прийти. Учитывая ваш напряженный график...

Мистер Челленджворс непроизвольно дернул плечом.

–... Впрочем, и я скоро не смогу так часто давать обеды, – Роджерс лукаво улыбнулся, низко наклонив голову, – и всё благодаря вам, благодаря вам, друг мой.

– Вам не за что меня благодарить, мистер Роджерс. Вы сполна заплатили за право распоряжаться частью нашего помещения. – Немного помедлив, аптекарь дружелюбно добавил. – Хочу поблагодарить за приглашение. Дом у вас просто загляденье. Я бы даже сказал, он производит поистине неизгладимое впечатление. Могу представить, каких усилий вам стоило найти подходящего архитектора.

– Архитектора? Ну что вы! Всё только благодаря моей супруге. Я почти не имею к этому великолепию отношения. Почти... – с едва уловимой таинственностью завершил свою фразу торговец.

– Я надеюсь, вы меня познакомите с миссис Роджерс?

– Моей супруги сегодня нет дома. Она у меня вся в движении и в приятных хлопотах, – добавил хозяин, наливая гостю бокал шампанского. – Но вы можете, нет, вы просто обязаны познакомиться с моими друзьями. Посмотрите, сколько здесь прекрасных дам, – произнес Роджерс заговорщицким шёпотом, – кто знает, может быть, это будет началом важного знакомства?

Мистера Челленджворса передёрнуло, но виду он не показал. Даже мысль о женитьбе была для него сущим кошмаром, не говоря уже о разговорах на эту тему с другими людьми. Ничто не должно и не могло потревожить его размеренного распорядка. В предугаданности, покое и жизни только для себя он находил источник самых сильных радостей, которые только может испытать человеческого сердце.

– Я больше люблю говорить о делах, Роджерс. Вы меня пригласили на приём для предпринимателей, вот я и пришёл сюда, чтобы завязать полезные связи. Но в число моих предпочтений не входили встречи, которые превратят человека в пленника на всю оставшуюся жизнь.

– Покорнейше прошу простить мою неосторожность. Больше ни слова о женщинах, клянусь вам! Но от знакомых и друзей-то вы не откажитесь?

– Это приму охотно. Расширять деловой круг общения было всегда полезно, – сухо ответил аптекарь.

– Ну что ж, вы пока хорошенько здесь осмотритесь. Через минуты три всех позовут за стол, долго томить и мучить мы вас не будем, не переживайте, – Роджерс по привычке ослабил и ждал похвалы и дежурного комплимента. Мистер Челленджворс поблагодарил за любезность и вежливо улыбнулся, отметив про себя, что всё меньше испытывает привычного для него в подобных ситуациях мизантропического раздражения. Всё казалось сегодня яснее, легче и приятнее. Ни над чем не хотелось долго задумываться и ни из-за чего не желал он портить своё с самого утра благодушное настроение.

Спустя обещанные три минуты организатор сказочного вечера поднялся на маленькую кафедру и произнес громким вкрадчивым голосом.

– Господа, господа! Прошу внимания!

Музыка стихла мгновенно

– Все уже в сборе, поэтому предлагаю начать наш скромный пир! Готов представить вам, господа, моего сердечного друга, – мистер Челленджворс опять машинально дернул плечом, – успешного и я, надеюсь, одного из самых влиятельных в скором времени предпринимателей нашего любимого города. – Прошу любить и жаловать, леди и джентльмены – мистер Джон Челленджворс!

От такой неприкрытой лести Челленджворс стыдливо потупился и долго не решался поднять глаза. В конце концов ему пришлось, словно извиняясь, бросить быстрый взгляд на собравшихся и с удивлением для себя отметить, что ни один из гостей не подсмеивался и не показывал на него пальцем. Только сейчас аптекарь отметил, что на торжественном приеме воротил бизнеса было, пожалуй, слишком много для их отнюдь не большого города. Практически никого из приглашённых он не знал, кроме разве что молодого и розовощекого поставщика лекарств Ивана, который с радостным криком подбежал к нему спустя всего несколько секунд после этой приветственной речи хозяина. Ивана отличала странная манера выпучивать глаза и при этом широко улыбаться.

– Джон! То есть... я хотел сказать, мистер Челленджворс... так ведь теперь тебя... то есть вас надо называть?

Мистер Челленджворс со свойственным ему паническим страхом перед экзальтированными людьми медленно поднял брови и лениво поздоровался, всем своим видом намекая на желание быть в этот момент за несколько километров от разгоряченного собеседника.

– Сколько лет, сколько зим! – веселый юнец в упор не замечал настроение Челленджворса и в порыве дружеского запала вцепился в его запястье. – Ты... вы меня не помните?

– Вы, кажется, поставляли нам медикаменты для продажи... Если не ошибаюсь, года два или год тому назад...

– Да! Верно! И день рождения не забыли?

– Прошу прощения?

– Ну, я тогда еще пригласил вас и эту девушку, Лилию.

– Эмили.

– Да-да, Эмили! Верно! Я... я так разволновался, когда вас увидел... Ну так вот, день рождения, года три назад... Помните? О-очень шумный день рождения, ха-ха-ха! Моего сынишки. Вы пришли, и мы потом долго разговаривали, о делах, о жизни, о всяких пустяках... Мне казалось, что мы... как бы это сказать... Подружиться, сойдемся на профессиональной и дружеской почве...

Всё то время, пока застенчиво улыбающийся бедолага изливал своё трепетное участие, мистер Челленджворс напряженно пытался вспомнить, где он видел это лицо. От такого восторженного внимания ему стало тошно и неудобно. Да что такого значительного могло произойти на дне рождения сына этого чудака, если он вспоминает об этом событии целых три года?! Как же ему хотелось сейчас отделаться от этого эмоционального приятеля, убежать, скрыться, спрятаться, но тот вошёл в раж и только набирал обороты.

– Я слышал, вас недавно назначили директором «Дома»? Какой же счастливый поворот событий! Кто бы мог подумать, что Грейтгрин вот так просто оставит своё детище. Безумно, безумно рад за вас, мой друг! – зубы Ивана можно было с легкостью пересчитать, так широко он улыбнулся в эту секунду.

– А я безумно хочу есть, прошу меня извинить...

– Нет-нет, что вы! – залепетал Иван. – Я ничуть не обижен. Я прекрасно понимаю ваше желание, – и он принуждённо глупо засмеялся.

Ничуть не смутившись, мистер Челленджворс даже обрадовался такой реакции и, развернувшись на пятках, бодро проследовал к своему месту за огромным столом посреди зала. Прозвучал второй звонок к обеду.

Мистеру Челленджворсу не составило труда найти своё место по карточке с красивой виньеткой. Он отметил про себя, что, если компания окажется слишком шумной и увлеченной, куда-нибудь пересесть потом будет практически невозможно, и этот факт его немного расстроил. Однако заметно успокоился, когда увидел вокруг себя сплошь улыбающиеся приятные лица, дружелюбно протягивающие руки, желая познакомиться с «одним из самых известных в скором времени коммерсантов города».

Если этот вечер и можно было назвать скромным обедом, то все жители города и близлежащих деревень должны были тогда, по подсчетам мистера Роджерса, вымереть с голоду. Стол мистера Роджерса просто ломился от изысканных яств: фазаны, вымоченные в шампанском и в голландском соусе, сочные перепела, которым не хватало места на гигантских тарелках, салат из тушеных омаров, черной икры и маленьких красных лангустов, говядина под шафрановым соусом с маленькими ярко-фиолетовыми виноградками – блюдо, сражающее своим ароматом и способное пробудить неукротимые пищевые рефлексы даже у рьяного вегетарианца. Каждый замысел шеф-повара поражал оригинальностью исполнения, на каждой тарелке находилось произведение искусства, которому суждена была недолгая жизнь и стремительная смерть. Аптекарь сначала не мог поверить своим глазам: он в жизни не видел таких деликатесов, а главное, не мог взять в толк, где же такие продукты можно было откопать в городке, далеко отстоящем от мировых гламурных столиц. Впрочем, заглушить сильное любопытство ему помогла общая примиряющая атмосфера этого дня. В иной вечер такое пиршество не просто бы вызвало жгучий интерес к маршрутам повара мистера Роджерса, но и послужило бы

причиной настоящего беспокойства, а может, даже и ужаса, ведь от природы подозрительный мистер Челленджворс почти во всём видел подвох, а уж всё необычное и выбивающееся из традиционных представлений надолго выводило его из себя. Однако единственным, что дрогнуло сейчас в недрах души и тела мистера Челленджворса, были уголки его карих глаз, и виной тому было отнюдь не умственное или нервное перенапряжение, а жгучий соус, под которым подавали мраморную говядину.

Все были превосходно одеты, и фармацевт несколько раз с облечением подумал о своём лучшем костюме, который сидел сейчас на нём как влитой. Тем не менее он настолько избаловался за эти несколько минут всеобщим к нему вниманием, что не исключал и возможности произвести неизгладимое впечатление рваными джинсами и неглаженной футболкой. Ещё бы двадцать Иванов и тридцать похожих приветственных речей мистера Роджерса – и он бы забыл о необходимости проверить потом в мужской комнате, хорошо ли лежит галстук и не запылились ли туфли.

– Простите мою нескромность, но я... я не ожидала, что вы такой молодой. – По правую руку от мистера Челленджворса раздался звонкий женский голосок. – В ваши годы, еще, по сути, не вкусив всех переживаний жизни, вы уже на таком высоком посту! За вас остаётся только от всей души порадоваться. Позвольте выразить вам своё глубочайшее почтение!

Глубочайшим у этой дамы было не только почтение, но и декольте, от размеров которого мистеру Челленджворсу стало дурно, поэтому он постарался ответить даме как можно лаконичнее и смотреть куда угодно, только не в её сторону.

– Благодарю вас, мисс... миссис... – мистер Челленджворс запнулся и продолжил изучать заинтересовавший его узор паркета.

– Панаст! – дама с живым участием вывела аптекаря из затруднительного положения и продолжила в упор смотреть на его затылок и уши.

– Да, госпожа Панаст. Спасибо. Большое спасибо, – завершив изучение паркета, Челленджворс приступил к исследованию одного из салатов на другом конце стола.

На знаменательную встречу пришло немало семейных пар, но понять, замужняя ли перед тобой дама или нет, можно было не сразу, во многом благодаря страсти некоторых энергичных женщин кокетничать с каждым, кто попадал в их поле видимости. Мистер Челленджворс отметил эту отличительную черту собрания сразу же, как только вошёл. Женщины громко смеялись, щебетали, порхали от одного угла зала к другому с бокалами шампанского и подолгу не задерживались на одном месте. Однако спустя какое-то время можно было увидеть ту же самую даму, невозмутимо шествующую под руку с кавалером, который при ближайшем рассмотрении оказывался её мужем. Во многом этим объяснялась растерянность мистера Челленджворса в попытке обратиться к рассыпающейся в комплиментах леди за столом. Это была пышная блондинка с ярко обведенными фиолетовым карандашом голубыми глазами и розовой пудрой, которая без жадности была нанесена не только на щёки, но и на все другие участки тела. Из-за столь фантастического макияжа определить её возраст представлялось невозможным. Но на лице и шее малиновой феи нельзя было увидеть ни одной морщинки, а крепкое тело не давало ни одной возможности заподозрить даму в болезненной хрупкости.

К ужасу аптекаря к розовой пудре со стремительностью беркута подседа ещё одна женщина. Мистер Челленджворс готов был проклинать гостя, который дерзнул освободить своё место рядом с его стулом. Ему пришлось засунуть в рот несоразмерный размерам его челюстей кусок говядины, чтобы занять все свои мысли пережёвыванием пищи.

– Акилина, вот эта встреча! Совсем не ожидала тебя здесь увидеть.

От такого воодушевляющего приветствия лицо Акилины стало ещё ярче, из розового превратившись в бардовое. Челленджворс, не в силах побороть любопытство, как можно осторожнее взглянул на очередную нарушительницу спокойствия —тому причиной был её магне-

тический шёлковый голос – и, забыв обо всех своих тревогах и правилах, не в силах был оторваться от стройной брюнетки с тонкими чертами лица.

– Я приехала сюда с Патриком, а ты, наверное ... – при этих словах роковая брюнетка пристально посмотрела на мистера Челленджворса.

– Э-э... Лина... Я... я разговаривала с мистером Челленджворсом, нашим новым коллегой, – выдавила из себя Акилина, уже совсем не пытаясь скрыть отсутствие восторга от встречи со знакомой.

– Ах, прости меня, прости... Я просто подумала, что мы можем сразу, вместе познакомиться с героем этого вечера, – аптекарь уронил кровать на скатерть, – а, оказывается, вы давние друзья, и я помешала... Что же, прости, дорогая подруга. Не буду тогда мешать вашей спокойной беседе, – произнесла дама сладким голосом и бросила быстрый, но острый взгляд на руки мистера Челленджворса, при этом едва уловимо изменившись в лице.

В интонациях этой женщины было столько предупредительной вежливости, так медленно, мягко и мелодично она произносила каждое слово, а движения её ладоней были при этом такими плавными и успокаивающими, что мистер Челленджворс, может быть впервые в своей жизни, растроганно произнес.

– Нет, э-э... прошу вас, оставайтесь с нами, Нина!..

– Ли-на... – прожурчала дама, ничуть не смутившись от такой досадной ошибки.

– Боже мой, простите меня, – Челленджворс убрал салфетку с колен, хотя до конца трапезы ещё было далеко, и заёрзал на стуле. – Очень рад, что на этом вечере могу познакомиться с такими симпатичными... то есть я хотел сказать, очаровательными предпринимателями нашего города!

Если бы существовал на свете прибор, способный измерить интенсивность негативных эмоций человека в минуту, в руке госпожи Панаст он бы сейчас зашкалил. Она вцепилась в свою белую шевелюру и неудачно притворилась, что больше всего на свете её интересует поджаренный лангустин с лаймом. Челленджворс не без нарциссического удовлетворения отметил, что почти все дамы в комнате так или иначе следят за их разговором, кто спрятавшись за бокалом красного пунша, кто – за спиной своего соседа, а некоторые и вовсе без капли стеснения оглядывали троицу с ног до головы и что-то оживленно обсуждали. Мистеру Челленджворсу, прежде столь чувствительному к любому воздействию социума, такая бесцеремонность даже не показалась неприятной. Вообще, он всё более и более погружался в состояние почти райской безмятежности, проистекающей от внутренней гармонии и самоуспокоения – ему казалось, что не было еще в его жизни такого чудесного дня. Все меньше и меньше он задавал себе вопросов и даже не пытался поразмыслить о скрытых мотивах поступков окружающих. Хотим предупредить саркастическую улыбку читателя: такое благодушное состояние духа молодого владельца «Дома Асклепия» отнюдь не было вызвано значительной дозой алкоголя – всё, к чему сегодня притронулся звезда роскошного обеда, – апельсиновый сок и минеральная вода. Единственное, что его немного удивило, – это странная отреченность представителей мужского пола по сравнению с их бойкими, прямо-таки звенящими спутницами. К тому же, сколько бы он ни пытался, хорошо запомнить не получалось ни одно лицо – все они были настолько похожи, что как будто сливались в единую картинку. Даже восторженный Иван не отличался сложением, осанкой или особыми чертами, которые хоть как-нибудь помогли бы аптекарю различить его в толпе. Единственным уникальным экземпляром оставался вездесущий мистер Роджерс – даже его неизменный белый шарф служил опознавательным знаком и своеобразной меткой индивидуализма...

– ... С удовольствием, мистер Челленджворс! Если только Акилина не будет возражать.

Миссис или мисс Панаст (доподлинно неизвестно) одарила Лину таким взглядом, что в недостатке её внимания к подруге уже нельзя было сомневаться, а к её фиолетовым кругам

под глазами грозили прибавиться красные. Мистер Челленджворс это запомнил, но решил не придавать никакого значения локальному инциденту.

– Это очень красивый дом, – замурлыкала Лина, – и мне бы так хотелось, чтобы мистер Роджерс приглашал нас чаще.

– Позволю поинтересоваться сферой вашей деятельности, – деликатно перешёл на другую тему аптекарь, аккуратно повернув голову, чтобы не видеть потуг несчастной Акилины скрыть своё прорывающееся раздражение – эту женщину он уже почти боялся.

– С моей стороны было бы нескромно называть себя успешным бизнесменом, – произнесла Лина, как всегда мягко и нежно, и дотронулась до своей тонкой золотой цепочки на шее, – предприятие досталось мне ... по наследству. Я совсем недавно взялась за дела. Точнее, – женщина помедлила и посмотрела на Челленджворса одним из своих самых чарующих взглядов, – я поручила руководство делами своим подчинённым. Они всё делают, а я получаю отчёты...

В разговоре двух новых знакомых возникла небольшая пауза, в продолжение которой мистер Челленджворс успел задать себе немало вопросов, а госпожа Панаст смогла расправиться сразу с семью устрицами. «Интересно, чем же она сама занимается, если предприятие ей, по сути, не нужно? И... хм, есть ли спутник у этой интересной дамочки? Впрочем, что это я... Как всё странно...»

Размышления мистера Челленджворс прервал громкий возглас устроителя вечера, о котором аптекарь уже успел забыть.

– Любезные господа! Милые мои коллеги! Я счастлив, что все наслаждаются ужином в столь приятной компании. Но, мне кажется, пришло время танцев. Кружитесь в вихре ваших лучших вдохновляющих эмоций, милостивые государи! И помните: мой дом всегда открыт для ума, задора и ... позитивных перемен!

Последнюю фразу импозантный Роджерс произнес, странно искоса посмотрев на мистера Челленджворса, отчего тот весь похолодел, сам не понимая почему. Он никогда не был в восторге от манеры этого торговца, которую давно окрестил набором второсортных ужимок, но сейчас быть брюзгой так не хотелось... Тем не менее аптекарю с трудом удавалось избавиться от назойливого ощущения странной неприятной связи между ними. Ему казалось, что Роджерс теперь его постоянно испытывает или что-то от него хочет. Однако чем ближе стрелка часов приближалась к поздним вечерним часам, тем всё менее и менее это досадное чувство беспокоило сегодняшнего везунчика, а, когда мистер Челленджворс взглянул еще раз на чёрное элегантное бархатное платье по-прежнему гордо сидящей рядом с ним Лины и обратил внимание на то, как эффектно оно контрастирует с её прозрачной фарфоровой кожей, все сомнения о необходимости прийти на этот претенциозный бал отпали в мгновение.

Раздалась звонкая мелодия. Мистер Челленджворс не разбирался в композиторах и мог запросто спутать Моцарта с Пуччини, но мелодия тем не менее его очень заинтересовала. Музыка была энергична, колоритна, рисовала в воображении пленительные картины далёких захватывающих путешествий, как будто скрывала тайну и будоражила душу. Это были неспокойные звуки, если под спокойствием понимать предугаданность. Под такой мотив не так-то просто танцевать, но мистер Челленджворс рискнул.

– Миссис... Ох, простите, я ведь не знаю вашу фамилию...

Последний раз мистер Челленджворс так волновался, когда выпрашивал отсрочку у кредиторов.

Дама медленно встала, и бархатное платье облагородилось россыпью перламутровых жемчужин, искусно нашитых по всему подолу в переливающийся полумесяц. Еще как минимум десяток жемчужин поблескивал в её высокой причёске.

– Во-первых, я не замужем, поэтому можно просто «мисс», – с полным спокойствием произнесла леди, – а во-вторых, фамилию мою вам знать совсем необязательно – можно ведь

называть меня просто Лина, – закончила она свою журчащую речь с обезоруживающей улыбкой, хотя чёрные глаза при этом оставались непроницаемыми и холодными.

Мистеру Челленджворсу придало решимости отважиться на столь отчаянный шаг лишь то, что много лет назад, ещё младшим школьником, по настоянию своей суровой матушки он посещал хореографическую школу. До сегодняшнего дня ему даже не хотелось вспоминать о столь пугающем факте своей биографии, и его полное безразличие к музыке все эти годы тоже можно было объяснить давней детской травмой. Но бывают же в жизни такие моменты, когда даже самый бесполезный, по нашему мнению, опыт может сослужить неплохую службу.

В зале уже почти все танцевали, и в движениях гостей чувствовалась поразительная отточенность, как будто к этому вечеру пары готовились целый год. Мистер Челленджворс взял новую знакомую за руку и заранее кокетливо извинился за свою неуклюжесть.

Танец быстро закружил их, и мистер Челленджворс сам не понимал, как это его ноги и руки так отлаженно работают и попадают прямо в такт, хотя он, казалось бы, не прикладывает к этому никаких усилий. Музыка по-прежнему притягивала его, но одновременно волновала и даже где-то потрясала. Звуки были очень громкими и заглушали все голоса в зале. Бархатная леди оказалась такой же мягкой и плавной в движениях – танцевала она легко и непринужденно, ничуть не смущаясь нового знакомого и непринужденно улыбаясь на любой произнесенный им комплимент.

Откуда-то сверху неожиданно попадало конфетти, вызвав бурю восторгов у собравшейся публики, словно они были малые дети. Откуда ни возьмись в воздухе закружились тоненькие серебряные, золотые и фиолетовые нити, значительно затрудняя танец, так как украшения постоянно падали на руки и буквально опутывали собою тела. Через какое-то время весь зал представлял собой разнородное цветное перемещающееся месиво из фантазмагорически переливающихся голов, туловищ и ног. Это, однако, никого не смущало, отовсюду раздавался смех и радостные возгласы. Для привычного мистера Челленджворса такое вечернее времяпрепровождение было бы сродни Апокалипсису, но сейчас он благодушно отдал себя во власть хаосу веселья. Они кружились и кружились по залу, и ему казалось, что впервые в жизни он так свободен и счастлив. И он упивался этим чувством.

– Какая прекрасная музыка, – смотря своей новой знакомой прямо в стеклянные глаза, почти прокричал мистер Челленджворс, чтобы его хоть как-то можно было услышать, – впрочем, есть в ней... даже не знаю... что-то немного тревожное...

Лина слегка подняла брови. В остальном её удивление никак не отразилось, как будто женщина застыла в непрерывном спокойствии.

– Тревожная? Что вы имеете в виду, мой любезный новый друг? – не поддаваясь соблазну закричать, проговорила она, мягко наклонив голову. Челленджворс напрягся и всё-таки различил фразу.

На секунду ему показалось, что он уже где-то слышал эту интонацию, такую вкрадчивую, приятную, но такую приторную, что сразу же хотелось освежиться холодной водой.

– Так вы раньше её не слышали?

Тут мистеру Челленджворсу пришлось в смятении потупить глаза и даже покраснеть, что с ним случалось не так уж часто. Дама пристально на него посмотрела, но он даже этого не заметил.

– Вы знаете, я... я не так уж хорошо разбираюсь в музыке...

– Зато вы превосходно танцуете.

– Ну... я сам не понимаю... то есть я раньше учился... Наверное, хорошо отработанные навыки... Они дают о себе знать.

Никогда в жизни он не упустил бы шанс восстановить потерянное самолюбие. Этот вечер и эта дама не были исключением.

– Определенно дают о себе знать, – прочитал по губам мужчина. – Это «Танец Анитры» Грига, – сказала она с мягкой улыбкой и продолжила пристально вглядываться в партнера по танцу.

– Анитры? Это та... с клубком ниток...

– Нет-нет, – промурлыкала брюнетка. – Вы говорите, наверное, об Ариадне из древнегреческого мифа. Анитра – это другая девушка, – ласково объяснила дама и опустила голову.

– Понимаете, э-мм... Моя сфера деятельности несколько другого рода. Этим объясняется, что такие детали, при всём моём глубоком к ним уважении, не всегда могут оставаться в моей памяти.

– Я вас прекрасно понимаю и даже не думала сомневаться, что вы способны запомнить другие, куда более важные детали, – продолжала свою успокаивающую речь Лина и все еще не поднимала глаза, как будто разглядывая что-то на руках мистера Челленджворса. Джентльмен чуть сильнее сжал ее руку, чтобы обратить на себя внимание, и Лина тут же подняла голову и заулыбалась.

Конфетти становилось невыносимо много, и один из цветных кружочков попал Челленджворсу прямо в рот, когда тот попытался ответить. Круговорот начинал немного утомлять, и кавалер деликатно намекнул своей партнерше, что пожелал бы завершить танец. Та в свою очередь не казалась очень уставшей, но с не изменяющей ей мягкой вежливостью охотно согласилась.

– Знаете, мы оставили бедняжку Акилину одну. Мне нужно её проведать.

И бархатная леди плавно растворилась в калейдоскопе кружившихся пар.

Мистер Челленджворс был рад небольшой передышке, несмотря на то, что в обществе Лины ему было спокойно и приятно, как давно не было в обществе женщины. Он всё еще отгонял от себя мысли обзавестись пассией, но должен был признать самому себе, что делать это становилось всё сложнее и сложнее. Мужчина огляделся вокруг: веселые парочки по-прежнему танцевали, но музыка стала намного тише, а конфетти уже не падало так беспощадно на головы собравшихся. Аптекарь пришла мысль пройтись по другим комнатам дома, и он обвел взглядом помещение в поисках мистера Роджерса, но тот как назло куда-то запропастился. Мистер Челленджворс долго колебался, не решаясь бесцеремонно расхаживать по этому дворцу без разрешения его хозяина, но любопытство и на редкость умиротворяющее состояние духа всё-таки победили. Он еще раз бросил взгляд на людей в зале и заметил, что пленительная Лина уже что-то шепчет розовощекой Акилине.

Аптекарь вышел из ярко освещенного зала и попал в коридор, который с непривычки испугал полумраком. Всё дышало роскошью в этом жилище, начиная с блестящего паркетного пола из бразильского ореха и заканчивая изысканными фазамы, статуями и лепниной на потолке. Пораженный Челленджворс не сомневался, что многочисленные картины и одно из полотен во всю стену не могут быть простыми копиями. Впервые он серьезно задумался, как же Роджерсу удалось сколотить такое баснословное состояние на торговле (тут мужчина не смог подавить громкий смешок) столь тривиальными товарами. «Или каждый житель нашего городка бежит каждую неделю за новой вставной челюстью и париком, или мне действительно нужно как следует приглядеться к этому типу».

Вдруг мистер Челленджворс увидел приоткрытую дверь в кабинет и, повинувшись инстинктивному желанию, быстро туда прошмыгнул. Его удивило, что музыка и громкие голоса заливающих смехом людей тут же стихли, как будто стены были толщиной в несколько метров. На массивном дубовом столе приветливо горела небольшая лампа в малиновом абажуре, частично освещая просторную комнату. В первую очередь он обратил внимание на обилие книг в красивых переплетах и с изумлением оценил богатство коллекции, хотя не был большим охотником до чтения ещё с юношеских лет. Кабинет был обставлен великолепно, но аптекарь всё равно чувствовал себя как-то некомфортно. «Холод!» – осенило его спустя мгновение. – Какой же

здесь странный холод!» В разгоряченном от толпы гостей зале было так жарко, а здесь, судя по всему, не топили всю осень. Челленджворс еще раз огляделся вокруг и обнаружил в дальнем углу комнаты небольшое углубление, которое в его разыгравшемся воображении превратилось в пасть страшного чудовища. В воздухе витало напряжение, и всё вокруг было пронизано какой-то беспокойной атмосферой. Может быть, этим объяснялись столь странные фантазии. Не без внутреннего напряжения мужчина подошел ещё поближе: он, конечно, не настолько погрузился в пучину страха, чтобы ждать встречи со сказочным драконом или с какой-нибудь мифической гидрой, но всё-таки ему было сейчас до такой степени неприятно, что левое плечо и веко чуть подёргивались. «Бог мой, да это же просто камин! Камин... Что я в самом деле?» В углу действительно находился живописный встроенный каменный камин, но он не согревал своим пламенем холодные стены, хотя чуть поодаль в большом количестве лежали одинокие дрова. В их маленьком городе такой дорогой предмет интерьера могли себе позволить лишь избранные (аптекарь не исключил, что такой роскошный камин был и вовсе только у одного Роджерса), поэтому был не в силах дальше бороться с искушением рассмотреть подлинный викторианский камин в деталях и включил верхний свет. Не прошло и десяти секунд, за которые мужчина успел восхититься блестящей отделкой, как в кабинет резко вошли.

– Мистер Челленджворс! – раздался непривычно нервный и грозный голос хозяина. – Прошу немедленно объяснить мне, что вы здесь делаете!

Пойманный с поличным, Челленджворс медленно, в страхе повернулся и постарался принять как можно более беззаботную позу.

– Родж... Мистер Роджерс... А... я тут просто прогуливался по дому...

– Прогуливались?! – Роджерс тремя широченными шагами пересек кабинет и загородил камин своим массивным телом.

– Э-э... Ну да... Разве, разве вы были бы против? – мистер Челленджворс постарался вспомнить, как в детстве он смотрел на бабушку после очередного нашествия на буфет. В этот момент он в самом деле так напоминал дитя, а не прежнего саркастичного фармацевта, что смятенный Роджерс невольно отступил на несколько шагов, и аптекарь сразу же заметил на камине причудливую серебряную инкрустацию: вид узора был такой, как будто его не только специально не чистили, но и намеренно подвергали коррозии. Это были две витиеватые, местами ещё серебристые линии, образующие причудливый вензель. В целом украшение выглядело плачевно. Некрасивое черное пятно, пусть и на небольшом участке камина, смотрелось так странно-непривлекательно на фоне общего благополучия, что мистер Челленджворс невольно внутренне передернулся, но виду не подал.

– Я не против, – вкрадчиво ответил мистер Роджерс, – но, согласитесь: не всегда ждешь гостей в собственном кабинете в такой поздний час.

К богачу вернулись привычные импозантные манеры, и он величаво посмотрел на бесцеремонного гостя, высоко задрал голову. Мистера Челленджворса это не столько расстроило, сколько позабавило – казалось, ничто не могло вывести его сегодня из состояния благодушного примирения с окружающей обстановкой, которое поколебалось было ненадолго при виде странного камина и неожиданно сурового коллеги, но затем восстановилось так же быстро, как река входит в свои берега после небольшого разлива.

– Мистер Роджерс, я уже ухожу... Простите меня, – Челленджворс так умильно посмотрел на приятеля, что тот сам застыдил своей суровости. – Мне давно пора домой, я у вас что-то сильно засиделся... который сейчас час?

– Обычно в это время вы уже видите седьмой сон, – со странным огоньком в глазах туманно ответил Роджерс.

– М-да-да... – согласился аптекарь как будто в полусне.

– Но мы вас так просто не отпустим, – с вернувшимися сладкими нотками произнес Роджерс, буквально пригвоздив мистера Челленджворс своим дружелюбным, но вместе с тем не требующим возражений прямым взглядом, – у нас только еще намечается десерт.

– Я...

– Ничего не хочу слушать! Никто так просто вас всё равно не отпустит – все жаждут как следует познакомиться с новым крупным бизнесменом города.

Всегда такой бескомпромиссный, когда дело касалось его принципов, мистер Челленджворс покорно сдался и медленно проследовал вместе с напористым господином в ярко освещенный зал, показавшийся ему другой планетой после полутемного холодного кабинета. Бросить прощальный взгляд на заинтересовавшие его необычные завитушки на камине не позволил мистер Роджерс, загородив своим внушительный силуэтом практически все, что мог увидеть за его спиной любопытный гость.

Пробуждение и новые события

Было девять часов утра. В окно пробивался слабый лучик солнца. Мистер Челленджворс с трудом открыл тяжелые глаза, ощущая тупую боль по всему телу, смешанную с мерзким чувством разбитости. Он нашел себя на небольшой красной софе в углу незнакомой ему комнаты. Еще не до конца проснувшись, ему показалось, что он на корабле, потерпевшем кораблекрушение: вокруг в большом количестве было разбросано конфетти, ленты, какие-то бумажки и мишура, которые преобразовались в грезах полуспящего страдальца в обломки снастей и весел. Одна его нога находилась на спинке дивана, вторая – обреченно лежала на полу, а руки раскинулись в обе стороны. Окончательно проснувшись, аптекарь титаническими усилиями справился с затекшими конечностями. «Что со мной?» – такой была его первая фраза после пробуждения, которую он произнес в полный голос, со страхом озираясь по сторонам.

– Что здесь произошло? Как я... сюда попал?

– Кофе со сливками или без, сэр?

В дверь вошёл презентабельного вида слуга в белых перчатках и невозмутимо поставил поднос с напитком на маленький мраморный столик рядом с временным пристанищем растерянного гостя.

– Прошу прощения, уважаемый... гм, сэр.

Официант вежливо поклонился, но беспристрастное выражение не сходило с его лица.

– Я... Где я нахожусь? И простите, кто вы? И что вообще произошло?

– Вы находитесь в доме у мистера Роджерса де ла Льяфш и его супруги. Вчера вы были на приёме, устроенном в честь видных предпринимателей нашего города и пожелали провести эту ночь здесь, что немедленно было удовлетворено, – быстро отрапортовал слуга, при этом ни разу не моргнув и не удостоив собеседника взглядом.

«Пожелал провести ночь? Что за чушь молотит этот оловянный солдатик? И какой к черту мистер де ла Льяфш?» – мистер Челленджворс приподнялся и отряхнул помятый фрак, к которому прилипла сотня разноцветных конфетти.

– Послушай, любезный, мне не до шуток. Я прекрасно помню об этом приёме (тут мистер Челленджворс немного польстил самому себе), но не заставишь же ты меня думать, что я мог вот так провести здесь всю ночь, заснув в одежде прямо на софе в гостиной?! – почти перешёл на крик уже окончательно воспрявший ото сна Джон Челленджворс

– Вы вчера долго веселились, сэр. И да, кх-м, с вами была молодая леди. Не думаю, что мне позволительно давать какие-либо оценки, но она была очень красива. Вы заснули здесь, а она долго потом разговаривала со своей ... яркой подругой. Да, в этой комнате. Выпейте кофе. Возможно, он поможет вам всё вспомнить, – отрезал слуга и, невозмутимо развернувшись, спокойно вышел в раскрытую дверь.

«Вот это дела, – задумался Челленджворс, обхватив голову руками, – да, сейчас как будто что-то начинает вырисовываться... Леди? Какая леди? Помню мерцание, песню, что-то темное и мягкое, а еще фиалки... Эти лица, странные лица, я никого не могу выделить... Музыка, да... она была очень громкой... приятной... Громкой... Тошнит от кружения... Что-то падает на голову, светится. Кто-то о чём-то говорит, смеётся... очень много, противно смеётся... А еще там были крабы, и я нюхал цветы в огромных вазах...»

Челленджворс тяжело встал с софы и еле-еле зашагал по комнате, обставленной в духе французского вельможи восемнадцатого века. Его не покидало пугающее ощущение, что он медленно, но верно сходит с ума. Эти роскошные предметы интерьера – как будто он прогуливается по старинному дворцу, этот странный архаичный слуга... Сначала в его голову закрадась мысль, что, возможно, его просто разыгрывают, но физиономия дворецкого в перчатках и белой жилетке была такой непроницаемой, что мужчине сразу же пришлось отвергнуть

это подозрение. Этот полузабытый фантасмагоричный бал, в котором он принимал участие, а главное – фантасмагоричный он сам, человек, который никогда еще за всю свою сознательную жизнь не проводил ночь вот так, на чужом мягком диване, в одежде и ботинках и с золотистой тонкой ленточкой во рту. От одной этой мысли мистеру Челленджворсу стало плохо и даже захотелось вызвать доктора, но ему пришлось тут же в отчаянии встряхнуть головой, осознав, что точный адрес роскошного особняка ему неизвестен. Тем не менее он уселся за столик и решил всё-таки в целях успокоения прихлебнуть немного кофе и попробовать румяную, правда слегка черствую булочку. Немного придя в себя, он бросил взгляд на круглые настенные часы.

– Господи помилуй, я... Аптека!

Всё, что произошло дальше, можно было уложить всего в пару минут. Вскочив как ошпаренный, мистер Челленджворс принялся лихорадочно осматриваться в поисках своих вещей, когда до него наконец окончательно дошло, что он не снимал ночью ни одного предмета своего парадного туалета. Быстро схватив портфель и плащ, которые лежали рядом с диваном, он выскочил в просторный тихий коридор и стал озираться в поисках выхода. В доме, казалось, не было ни души. Он метался от одной комнаты к другой (все они были прекрасны и пусты), случайно натолкнулся на небольшую кладовку и даже обнаружил миниатюрную комнатку, в которой вальяжно растянулся рыжий спаниель, но заветной двери так и не находил. Слуга-аристократ, как назло, куда-то испарился, и мистер Челленджворс уже готов был серьёзно выругаться, как, по его собственному потом признанию, откуда ни возьмись появилась отделанная золотом дубовая дверь, смутно напомнившая вчерашние приключения. Аптекарь тут же ринулся на улицу, даже не подумав попрощаться с хозяевами. Он подозревал, что дома их и не было.

Первый раз в своей жизни мистер Челленджворс опаздывал на работу. Это было невыносимо, невероятно, чудовищно и никак не согласовывалось с его системой ценностей, вымученной годами. На ходу он попытался пригладить торчащие во все стороны волосы (вчера ему почему-то не пришло в голову положить в портфель расческу) и стыдливо-аккуратно проверял, все ли пуговицы на рубашке застёгнуты. Мужчина порывисто встряхнул рукой, чтобы посмотреть который час, но любимых часов на запястье не было. «Черт возьми! Неужели забыл у Роджерса?!» Делать было нечего – пришлось смириться с горькой потерей. Тонкий бежевый плащ без ремня продолжал развиваться на суровом ноябрьском ветру как парус: неожиданно резко похолодало, и в довершение ко всем неприятностям накрапывал мелкий назойливый дождик. Челленджворс посмотрел на небо и отшатнулся: тучи как будто грозились раздавить солнце и навсегда запретить людям на него смотреть. К чести нашего героя признаем, что такую погоду он ненавидел, даже не задумываясь, какую прибыль она приносит аптеке. Уже не первый год ему доводилось быть свидетелем щебетания своих ассистенток, предметом которого были «уютные темные вечера под пледом с чашечкой какао». «Как же это мило! – говорили они. – Как же это умиротворяет и расслабляет!» От таких разговоров аптекаря буквально бросало в дрожь. Он почти физически не переносил бездействия, и одни только мысли об отсутствии энергии и бодрости из-за погодных условий нагоняли на него такую невыносимую тоску, что, будь его воля, он вырвал бы все страницы в календаре после первого сентября. В то же время неистовый трудоголик прекрасно понимал, что, как бы он ни боролся с осенней апатией, хандра может неожиданно настигнуть и его, расстроив таким образом выработанный годами напряженного методического труда неукротимый рабочий настрой – то, что составляло если не цель, то важнейшую часть его жизни. Однако с удивлением для самого себя мистер Челленджворс отметил, что такой погоде в настоящую минуту он даже рад, так как дождь, бодрящий ледяной ветерок и угрюмое небо оказывают на его голову целительный эффект, угрожающе распухшую от пока еще не разгаданных калейдоскопов вчерашнего вечера и утреннего волнения. Сильный холодный ветер как будто очищал его сознание и прогонял назойливые эмоции,

дождь смывал пелену еле различимых разговоров и вымученных фраз, как влага смывает пыль с улиц.

Мистер Челленджворс мчался как паровоз, метровым шагом пересекая улицы и забывая в целях безопасности смотреть по сторонам. В этот час уже было не так шумно: дети давно находились в школе, хотя изредка раздавались их громкие крики, от которых, как мы помним, мистер Челленджворс всегда подёргивался. Иногда мимо джентльмена проносились такие же обеспокоенные пешеходы, шлёпая прямо по лужам и окатывая его грязью. Время своего опоздания новоиспеченный директор магазина отмечал по их лицам: чем более хмурые и нервные физиономии ему попадались, тем неумолимее стрелка часов двигалась к страшной отметке. Наконец запыхавшийся взбудораженный мистер Челленджворс прибыл к месту назначения. Судорожное нажатие на дверную ручку, долгий вздох – и вот, он уже в «Доме».

– Эмили, это я! – мистер Челленджворс решил, что лучшим в этой ситуации будет широкая глупая улыбка. – Вот я и на работе! И да, здравствуйте, – закончил он фразу, снимая мокрый плащ и немного пошатнувшись.

Посетителей в аптеке не было.

– Мистер Челленджворс, – Эмили старалась говорить как можно более спокойно, – Доброе утро... Я вас ждала. То есть... я еще думала, что, может, теперь вы не захотите приходить так рано утром, ведь вы теперь директор и... Что с вами? Почему... Вы как будто испуганы, сэр?

– Боже, Эмили, я и забыл, кто теперь директор этого заведения!

– Забыли? Как это?

– А вот... так, – мистер Челленджворс растерянно, как ребенок, который в сугробе потерял любимую игрушку, посмотрел на ассистентку, – я, я... совсем забыл. Как будто это было... впрочем, что это я говорю?... Пора нам приниматься за дела, – и он, немного помедлив, задумчиво направился к кабинету. Голос Эмили остановил его опять

– Ох, сэр... – Эмили не могла сдержаться и, преодолев смущение, продолжила неуверенно, – простите меня за любопытство, но... с вами, с вами ничего не случилось? Просто вы так странно, то есть так необычно выглядите...

Эмили смотрела на шефа широко раскрытыми глазами и не могла скрыть искреннего волнения. Мистер Челленджворс взглянул на неё: девушка сегодня была на удивление хороша и свежа, несмотря на недружелюбную ноябрьскую погоду. В её светлых волосах красовалась кокетливая голубая заколка в форме цветка, не из шелка или сатина, а из простого дешевого синтетического материала, но снобистскому вкусу мистера Челленджворса незамысловатый аксессуар показался сегодня очень милым и поднял настроение. Впервые за всё время работы Эмили аптекарь отметил, как она была одета: светло-коричневое полуприлегающее платье смотрелось просто, но элегантно. Серебряные дешевые сережки выгодно подчеркивали овал лица.

Сам мистер Челленджворс действительно выглядел, мягко говоря, необычно для рутинного рабочего утра: белая шёлковая рубашка серьёзно пострадала под натиском обстоятельств – две последние пуговицы безжалостно снёс шторм волнений, а беспощадность климатических условий заставила галстук-бабочку обреченно свешиваться с шеи на стойко преодолевшей все испытания шёлковой ленте. Помятые фалды фрака выглядели ничуть не лучше истрепанного и брошенного за ненадобностью галстука, а когда-то нескромно блестящие ботинки сейчас с трудом угадывались под толстым слоем пыли и грязи, который мистер Челленджворс имел честь сегодня собрать на улице. Однако больше всего помощнику испугало его лицо, на нём отражалась смесь противоречивых и столь несвойственных этому человеку ранее чувств: волнение или, если быть точнее, какой-то болезненный ажиотаж вкупе с встревоженностью и странной растерянностью, как будто бы мистер Челленджворс первый раз видел собственное рабочее место. Девушка смотрела на патрона и, непонятно почему, осторожно улыбалась, опу-

стив голову. С волос Челленджворса по-прежнему медленно стекали капли дождя, но, казалось, он не обращал на это никакого внимания.

– Ах, да, – он развел руками и невозмутимо обвёл взглядом свой костюм, – забыл вас предупредить. Ну что ж, бывает и такое. – От дальнейших объяснений он решил воздержаться и предоставил озадаченной девушке самостоятельно додумывать предысторию.

Как только её патрон скрылся в кабинете, бывшем тихом обиталище мистера Грейттрина, Эмили подбежала к большой зеленой тетради на прилавке, чтобы еще раз проверить, правильно ли она подсчитала выручку за вчерашний день. Её очень удивило, что шеф даже не вспомнил об этом важном для неё поручении. Всё прошедшую ночь Эмили провела в волнении, думая об этом разговоре, поэтому сейчас буквально валилась с ног и была бы рада сегодня вовсе не общаться с покупателями. Кроме того, за последние дни она немного похудела и как-то осунулась.

Раздался звон колокольчиков у входной двери. Эмили подняла глаза и удивленно посмотрела на приближающегося к ней молодого незнакомого серьёзного человека, который явно пришёл не за лекарством.

– Добрый день, сударыня, – посетитель сдержанно поздоровался, и Эмили содрогнулась от его неестественно выпученных глаз. Она была уверена, что где-то этого мужчину уже видела, но никак не могла вспомнить где. – Могу ли я поговорить с мистером Челленджворсом?

– Здравствуйте, сэр. Мистер Челленджворс у себя в кабинете, и обычно он просит его не тревожить в этот час. Могу я узнать, какое дело вас к нам привело?

– Д-да, – ответил господин неуверенно, не глядя на девушку, – но я бы предпочел сказать ему об этом лично. Видите ли, дело очень серьёзное, и я думаю, мистеру Челленджворсу было бы приятнее узнать обо всём самому.

Не пытаясь скрыть своё волнение, Эмили попросила неожиданного гостя присесть и почти побежала в кабинет начальника.

– Что это с вашим лицом, мисс Джинджер? Что-то стряслось?

Эмили готова была провалиться сквозь землю: мистер Челленджворс поспешно запахнул рубашку Грейттрина, которую не успел застегнуть на все пуговицы.

– Сэр, я... извините... простите...

– Мисс Джинджер, разве я не говорил вполне определённо, чтобы ко мне не врывались вот так без стука, – по-прежнему испуганно держась за ворот, возмущался застигнутый врасплох мужчина. – Вы просто меня удивляете сегодня.

Эмили повернулась боком и поспешно добавила.

– Мистер Челленджворс, у нас тут фос-мажор!

– Форс-мажор, мисс Джинджер, ФОРС- мажор!

– Да, простите, сэр...я.

– Ладно, говорите. Что у вас там? Ну, всё, можете посмотреть на меня. Успокойтесь. Что случилось?

Эмили опасливо повернула голову.

– Пришёл какой-то настойчивый зануда. Говорит, что к вам. И уверяет, что дело срочное. Со мной говорить отказался. Просит личной встречи.

– Хм. Странно. Кого могло принести в такой ранний час?

– Уже двенадцать, сэр, – немилосердно напомнила Эмили.

– Ах, да, – потупился Челленджворс, – м-да... Хорошо, мисс Джинджер, я жду его в своём кабинете. Пригласите и... – мистер Челленджворс внимательно посмотрел на ассистентку, – и давайте возвращайтесь к работе.

Эмили тихо согласилась и скрылась.

Не прошло и тридцати секунд, как в дверь вежливо постучали. Мистер Челленджворс успел-таки за это время завершить свой запоздавший утренний туалет – ему повезло, что предусмотрительный мистер Грейтгрин всегда оставлял в кабинете запасную одежду.

– Добрый день, дорогой Джон, – таинственный посетитель сразу же медленно закрыл за собой дверь.

Отвыкший от такого обращения аптекарь моментально встрепенулся.

– Иван?

– Рад, что ты... – гость секунду помедлил, – ...вы не забыли меня. Хотя с нашей последней встречи прошло не так уж много времени, – гость заулыбался, но как-то неприятно и странно.

Это был тот самый розовощёкий восторженный Иван, с таким жаром приветствовавший вчера мистера Челленджворса на балу предпринимателей. Сейчас же ничто в его облике не намекало на шумно проведённый вечер: он был гладко выбрит, причесан и светился чистотой и опрятностью. Разве что глаза по-прежнему странно выпучивались, хотя для этого, вроде бы, не было каких-либо объективных причин.

– Конечно, я не забыл, Иван, – мистер Челленджворс инстинктивно почувствовал недоброе, – но что же привело вас ко мне в такой час? Эмили, то есть мисс Джинджер, говорила что-то о серьёзном деле. По-моему, мы сегодня не заказывали новые ящики для медикаментов.

– Да, Джон... Или вам было бы приятнее «мистер Челленджворс»? – аптекарю вдруг стало неуютно – тон Ивана на что-то неизбежно намекал, и как же нервировала эта чопорная таинственность.

– Я думаю, мы можем продолжить, как начали. Называйся меня, как сами считаете нужным. Ведь не ради же этого вопроса вы сюда пришли?

– Не нервничайте, Джон. У вас еще будут на то причины, – мистер Челленджворс встрепенулся. – Я пришел с недобрыми вестями. Видите, как всё быстро может измениться, буквально за считанные часы... – Иван медлил и, казалось, смаковал каждое слово.

«А он уже не так лезет с объятиями», – отметил про себя проникательный аптекарь.

– Джон, вас вызывают в суд.

– Что вы сказали? В суд? Вы шутите?

– Вас – как главу этого предприятия, «Дом Асклепия». Кстати, до вас невозможно было дозвониться ни вчера вечером, ни сегодня утром, – Иван опять сделал раздражающую аптекаря паузу, – наверное, вас не было дома. Судебному приставу пришлось обзванивать коллег, с которыми вы недавно заключали сделки. Так он вышел на меня. Он позвонил полчаса назад, и я сразу же отправился сюда. Признаюсь, очень волновался, что не смогу вас застать.

Смысл сказанного поставщиком дошёл не сразу – мистер Челленджворс мог только машинально прокручивать в голове слова «суд – пристав – суд», «суд – пристав – суд», как будто под гипнозом. Однако на интонацию Ивана он обратил внимание в первые же секунды. Постепенно вчерашний вечер вырисовывался перед глазами подобно проявляющейся фотографии. Он вспомнил это радостное красное лицо. Эту протянутую ему с восторгом руку. Эту улыбку и поток дружеских, как он тогда думал, восторгов. Он вспомнил и себя, снисходительно увернувшегося от комплиментов и прекратившего общение так же быстро, как розовощёкий юнец его начал. Вчера его очень смущали бурные поздравления Ивана, хотя его юношеская непосредственность и открытость приятно забавляли. Сейчас же он многое бы отдал, чтобы увидеть опять это экзальтированное проявление чувств. Перед ним была та же внешность, но содержание не имело ничего общего со вчерашними её проявлениями. Когда Иван сообщал пугающую новость, его голос был даже не холодным (это бы аптекаря не так удивило) – молодой человек как будто ... злорадствовал, хотя мистер Челленджворс в ту же секунду устыдился своих мыслей. «Что-то последнее время моё воображение работает в ускоренном режиме. Похоже, мне не помешает как следует успокоиться».

– Но...Иван, – голос владельца магазина слегка задрожал, – почему вдруг судебный пристав? Как судебный пристав? Что, черт возьми, я сделал?

Поставщик лекарств помолчал несколько секунд и, разглядывая собеседника из-под полуопущенных век, меланхолично продолжил.

– Не вы, Джон, не вы... Тут дело в налогах, о которых не позаботился ещё Грейтгрин. Впрочем, что это я вас только интригую – вам, вероятно, хочется посмотреть на всё самому и спокойно разобраться в одиночестве. Мне сообщили, что официальное письмо давно было отправлено. Месяца три назад. Поройтесь в ящиках у Грейтгрин – я думаю, быстро найдете то, что ищите.

И всё-таки этот тон Ивана, сразу вдруг потерявшего всю робость, щекотал мистеру Челленджворсу нервы, и он с трудом сдерживал своё желание поставить юнца на место.

– Э-э, хорошо, Иван. Мистер...

– Инорк.

– Да, простите... Мистер Инорк. Я...я думаю, мне действительно нужно во всём разобраться... И в одиночестве. Позвольте поблагодарить вас за такое деятельное участие в судьбе нашей организации. И ... как вчера вы провели оставшуюся часть вечера?

Иван по-прежнему стоял как на школьной линейке – прямо, вынужденно и глупо. Если бы мистер Челленджворс захотел разгадать по его лицу все тайные мысли, у него бы ничего не получилось; тем не менее в полуопущенных глазах знакомого время от времени улавливались быстрые яркие огоньки.

– Всё прошло прекрасно, Джон. Всё прошло прекрасно. Вот только... мы не попрощались. Но зато встретились сегодня, – бесстрастным тоном отчеканил совсем уже не такой розовощекий Иван.

«Хотелось бы мне, чтобы ты добавил, что повод не такой приятный», – подумал при этом мистер Челленджворс не без чувства горькой обиды.

Молодой человек ушёл так же быстро, как появился. У аптекаря не было никакого желания удерживать странного посетителя, когда тот поспешно надел пальто и накинул на шею теплый вязаный шарф. Мистер Челленджворс, отгоняя другие невдохновляющие мысли, к которым он обещал себе вернуться чуть позднее, постарался полностью сосредоточиться на главном – катастрофе, крушении, позоре. Суд! Как это могло произойти? Суд!

Он просмотрел все стеллажи, расшвырял бумаги из ящиков, добрался даже до маленького, почти игрушечного комода рядом с большим цветочным горшком, взял его приступом, но обнаружил только миниатюрных фарфоровых человечков – мистер Челленджворс и не подозревал об этой коллекции бывшего шефа. Наконец, он хлопнул себя по лбу: «Боже мой, СЕЙФ!».

Документы, конечно, были в сейфе, код от которого мистер Грейтгрин забыл дать приемнику. Челленджворс подошел к стене и с тоской посмотрел на блестящий металлический ящик. Он взвизгнул от восторга, когда, приглядевшись, понял, что маленькая дверка прилегла к ящику неплотно. Сейф не был закрыт! «Он знал, что он мне рано или поздно понадобится, но не хотел, чтобы я узнал обо всё сразу», – с глубоким вздохом заключил опечаленный несчастливцев.

В сейфе лежала целая стопка требований от налоговой уплатить штрафы. Тут же находились угрожающие предупреждения, что, если владелец аптеки не погасит задолженность в необходимый срок, его неминуемо ждёт разбирательство в суде. «Почему же он мне об этом ничего не говорил? Почему он не хотел со всем этим разбираться?» – Челленджворс в отчаянии вцепился руками в волосы и чуть слышно застонал. «Ну почему, почему он ничего не сказал?»

Перебирая злосчастные бумаги, удрученный предприниматель наткнулся на роковой для него договор. «Старик знал, что делал! Передать по договору все свои дела и счета на тот

случай, если уйдёт с должности!» Глупец! Ведь он в своё время подписал этот документ. Но жалел ли он сейчас об этом? Оказывается, нет. На самом деле у него и мысли сейчас не было вызывать бывшего босса из-за границы, чтобы тот по справедливости отвечал в суде за свои промахи. Этот человек так любил свою работу, что для него давно не существовало в бизнесе чужих проблем. Поэтому он мужественно сгреб бумаги в охапку, сделал глубокий вздох и с выдержкой древнегреческого философа принялся досконально изучать письма, приняв весь удар на себя. К сожалению, он быстро понял, что одному в документах всё равно не разобраться (несмотря на любовь к деньгам, его экономическая эрудиция ограничивалась лишь аккуратным подсчетом материальных благ и дальше этого занятия не простиралась). Главный вывод, который сделал мистер Челленджворс, – речь шла о налоге на прибыль. Точнее, неверном налоге на прибыль. Банковские счета бывшего владельца предприятия показывали сумму в несколько раз превышающую ту, что значилась на годовой декларации. Надо признаться, что страсть мистера Челленджворса к получению прибыли никогда не побуждала его к нечестным манипуляциям и зловерным схемам делопроизводства. Сама мысль об обмане претила этому прямому характеру. Сейчас нужно было думать прежде всего о том, чтобы позорный инцидент не стал достоянием общественности. «Если об этом не пронюхали журналисты, еще ничего не потеряно», – аптекарь третий раз глубоко вздохнул и тяжело опустился в кресло.

Гул голосов из зала проник даже сквозь плотные стены кабинета. Челленджворс тут же почувствовал странное беспокойство, как будто до него доносился разговор не обычных покупателей, а судебных приставов, уже пришедших арестовать его и посадить в тюрьму. Мужчина попытался выбросить из головы страшные фантазии и сосредоточиться наконец на решении проблемы, но тревога становилась невыносимой. Чтобы хоть как-то взять себя в руки, он принялся разговаривать сам с собой: «Что же за безумный день сегодня? Вот бы вернуть, – мистер Челленджворс стыдливо запнулся, – вчерашний ... вечер...». Ему было неловко признаться самому себе, что этот самый благодатный вечер он помнил только в отрывках, как бывает, когда мы пытаемся восстановить в памяти чудесный сон, но получается уловить лишь отдельные вспышки.

Голоса в зале становились всё громче, и теперь омрачённый несчастливцем был почти уверен, что они не походили на привычный рутинный шум. Почти в ярости от неопределённости и раздражения, он быстро выскочил из кабинета – и обомлел. Второй зал аптеки был отгорожен наспех сконструированной стеной из гипсокартона, и, судя по доносившемуся нестерпимому стуку и скрежету, за ней разворачивалась бурная деятельность. Эмили стояла за маленькой конторкой рядом с прилавком, опустив голову на руки.

– Мисс Джинджер! – мистер Челленджворс побледнел. – Что здесь, черт в... простите, что здесь происходит?!

– Эти люди от мистера Роджерса, сэр, – ответила девушка и виновато посмотрела на шефа, как будто сама была причастна к переполоху.

– От Роджерса? – тонкие губы мистера Челленджворса изогнулись.

– Вы помните... вчера, сэр. Вы продали мистеру Роджерсу второй зал...

Дверь с колокольчиками с шумом открылась, и двое рабочих в синих костюмах с гоготанием ввалили огромную тележку, набитую манекенами с париками самых разнообразных цветов. Не обращая никакого внимания на робкую старушку в дверях, они продолжали переносить стройматериалы и товары, загораживая собой весь проход.

– О боже мой, что здесь происходит, извольте мне ответить! – подбежал к рабочим мистер Челленджворс, в припадке волнения размахивая теми самыми листами из налоговой, которые он совершенно случайно прихватил с собой.

– Эй, о! Успокойся, папаша! Всё путем, – пробасил один из синих, никак не реагируя на выражение ужаса на лице хозяина магазина, – мы тут работаем, командир, не собак гоняем.

– Командир? Па-паша? – вся стойкость железного характера мистера Челленджворса вмиг разбилась о гранитную скалу беспардонности и хамства. Терпеть этот психологический урон до сей поры ему приходилось только от высшего начальства, но никак не от развязных рабочих, разгоняющих к тому же его покупателей. Впрочем, пока аптекарь собирал все потерянные от потрясения слова, чтобы сложить их в гневное предложение и выставить наглицов за дверь, хохочущие жилеты, глазом не моргнув, прошествовали за перегородку и с новыми силами продолжили бурную работу. Не прошло и минуты, как тут же, за ними, показалась вторая тележка с другими синими жилетами, которые были заражены той же грубой смеховой лихорадкой и аналогичным безразличием к посетителям. На этот раз их поклажей были пластмассовые чудовищные яркие маски, напоминающие дешевый реквизит для комедийного фильма ужасов.

– Эмили, Эмили! – мистер Челленджворс напрочь забыл о своём положении начальника и подбежал к девушке с умоляющим выражением лица. – Эмили, объясните мне, что здесь происходит! Ради всех святых, мисс Джинджер!

Девушка опешила. Первый раз в своей жизни она видела этого человека в таком состоянии.

– Что же я могу сделать, сэр? Это люди от мистера Роджерса.

– Он предупредил нас? – аптекарь даже не заметил, как перешёл на крик.

– Мм... Кажется, нет, – Эмили испуганно посмотрела на патрона. – Нет, нет... вчера мы весь день были с Ларой, то есть с мисс Пуш, в магазине, и никто не звонил и не приходил...

– Проклятье! – мужчина стукнул кулаком по конторке. – Да, похоже, он чувствует себя здесь уже полновластным хозяином!

– Могу я ...

В дверях раздался тихий голос пожилой дамы в элегантной бардовой шляпке. Она переминалась с ноги на ногу, держа в одной руке трость, а в другой – плетеную корзиночку с ярко-красными хризантемами. Посетительница попеременно смотрела то на растерявшуюся Эмили с уже примятым голубым цветком в волосах, то на главного фармацевта, волосы которого сейчас приняли преимущество вертикальное положение. Вид у дамы был испуганный.

– Могу я войти?..

– Миссис Степфорт! – Эмили вскинула руками. – Ну конечно! Прошу вас. Пожалуйста! – девушка пригласила даму приветливым жестом руки. – У нас сегодня просто небольшие ... работы. Вы не обращайтесь внимания, миссис Степфорт.

Старушка сделала несколько робких шагов и, не обнаружив угрозы, с облегчением засеменила к прилавку, конфузливо улыбаясь.

Мистер Челленджворс с посетительницей не поздоровался и возвратился в кабинет, истерично пнув за собой дверь, да так, что она закрылась с переплюнувшим рабочих шумом. Через секунду мужчина развалился на рабочем столе. «Да пропади пропадом этот Роджерс! Всё, я должен думать только о главном», – мистер Челленджворс в который раз начал бессмысленно перебирать письма из налоговой и в конце концов пришёл к неоспоримому выводу, что ему срочно нужна компетентная помощь. Предстояло выбрать подходящего адвоката. Как это обычно бывает в совсем маленьких городках, о хороших специалистах обычно узнавали через знакомых. Нередко получалось и так, что эти хорошие специалисты устраивали настоящую диктатуру: работали втихаря и одновременно подавляли своих конкурентов. Маститые профессионалы здесь любили работать только на себя и не числиться в определённой фирме, поэтому их контакты было практически невозможно достать, если не знать соответствующее окружение и бывших клиентов – таким образом эти возгордившиеся виртуозы набивали себе немаленькую цену. Таково было положение дел в городке, где происходили описываемые события.

Мистер Челленджворс начал уныло припоминать вечернюю партию в вист у Роджерса с чрезвычайно предупредительными по отношению к нему предпринимателями. Кажется, он кто-то тогда обыграл. Или это они предложили не засчитывать его поражение? И, кажется, приходилось разговаривать о делах и обмениваться опытом, приправляя всё это внушительной порцией беззаботного смеха... Одним словом, всё прошло замечательно, и все были довольны. Вот только как мистер Челленджворс отчаянно ни старался вспомнить имена чудесных собеседников, у него так и не получалось. Он просмотрел все деловые колонки городских газет; пересилив себя, зарегистрировался в социальных сетях; от отчаяния даже включил местный телевизионный канал в надежде увидеть знакомое лицо, но всё было безрезультатно. Все мужские лица на вчерашнем званом приеме сливались у него в какой-то обобщённый, не обладающий характерными чертами образ. Аптекарь опять с ожесточением вцепился в причёску, угрожая своим волосам серьёзными проблемами в будущем. Единственным, кого он помнил хорошо, был поставщик лекарств Иван. Но думать о сегодняшнем посланце дурных новостей было невыносимо, несмотря на то, что номер телефона молодого человека он мог с лёгкостью воспроизвести по памяти. Что поделать: терпкий осадок после утреннего визита не давал покоя.

«А почему бы мне не позвонить самому Роджерсу?» – спросил он себя спустя несколько минут и тут же с горькой улыбкой подумал, что будет очень сложно определиться, с чего же начать этот разговор: с вежливой просьбы о помощи или с безумного возмущения из-за наглого поведения его рабочих. Наконец, после всех мучительных метаний, обессиленный аптекарь всё-таки решился на разговор со своим вчерашним покровителем. Как только в трубке раздался вкрадчивый глубокий голос, мистер Челленджворс зачастил.

– Алло, Роджерс? Добрый день, добрый день! Надеюсь, не разбудил тебя этим ...кх-м... довольно ранним звонком. Вчера был бурный вечер, старина, но утро для меня оказалось еще более безумным, представь себе, д-дружище. Я...

– Мистер Челленджворс, сэр? – бедолага с содроганием узнал знакомую надменную интонацию. – Мистер Роджерс де ла Льяфш сейчас на работе и вернется только поздно вечером, а быть может, даже ночью. Спешу предупредить вас, что он просил сегодня его не беспокоить.

Мистер Челленджворс понял, что попал на странноватого дворецкого, который словно сошел со страниц романов елизаветинской эпохи, но никакого умиления по этому поводу не почувствовал. Он боролся с желанием как следует встряхнуть малого за плечи и вытрясти из него весь этот тошнотворный церемониал, однако по телефону это было сделать невозможно, поэтому пришлось смириться.

– Не могли бы вы передать мистеру де ла... Льяшу, что мне совершенно необходимо поговорить с ним. Я мог бы даже приехать к нему сегодня вечером, ночью... Или... Я не знаю ни его телефона, ни полного адреса, но если бы вы мне подсказали...

– Боюсь расстраивать вас, сэр, но мистер де ла ЛЬАФШ ни под каким предлогом не разрешил бы мне распространять эту информацию. Я вынужден ответить вам отказом. И по поводу randevu: только с разрешения мистера де ла ЛЬАФША я могу приглашать гостей от его имени.

– Но где я хотя бы могу его сегодня найти? Его рабочие здесь, у нас, в аптеке. Вам что-то известно об этом?

– Милостивый государь, отнюдь не в моих полномочиях просить отчета у мистера де ла Льяфша о его передвижениях. Именно поэтому ваш вопрос я вынужден оставить без ответа.

Разговаривать с этим фруктом было бесполезно. Ему ничего не оставалось, как попрощаться в таких же выспренных выражениях и в очередной раз за сегодняшний день обреченно опустить голову на стол. Было уже три часа пополудни.

Он звонил в каждую мало-мальски известную юридическую контору в городе. Но свободных адвокатов не было. Или предлагали только юнцов – практикантов, готовых работать

бесплатно, но гарантирующих только своё рвение и «незабываемый опыт сотрудничества». Аптекарь обзвонил всех немногочисленных родственников и знакомых, которых не поздравлял даже с прошедшим Рождеством. Никто из них слыхом не слыхивал об адвокатах в городе, а некоторые просто не взяли трубку. И мистеру Челленджворсу стало впервые за долгое время неуютно и грустно из-за такого бесславного одиночества. Положение становилось удручающим, и несчастный хозяин «Дома Асклепия» почувствовал нарастающий ком в горле. Охваченной тремором рукой он взял трубку телефона.

– Аллю, – раздался спокойный голос.

– Иван, это... это Челленджворс. Рад, что застал вас дома, – аптекарь с трудом скрывал волнение в голосе и, чтобы хоть как-то успокоиться, принялся выводить на клочке бумаги гротескные геометрические фигурки. – Тут такое дело, Иван. Я... я не могу найти адвоката. Вы, наверное, понимаете, одному мне во всём не разобраться. Быть может, вы знаете проверенного человека? Я, разумеется, отблагодарю вас, – мистер Челленджворс немного понизил голос, – я могу заплатить вам.

Всё еще памятуя о восторженном к нему отношении на вечере у Роджерса, мистер Челленджворс до последнего надеялся, что и сам молодой человек не забудет, с каким самозабвением тряс ему совсем недавно руку. Как мы помним, герой этого повествования всю свою взрослую жизнь инстинктивно чурался дружеских отношений и даже боялся их, но вчера, может быть впервые за долгие годы, мужчина поверил, что они возможны.

– Джон, Челленджворс, – раздался холодный голос на другом конце провода, – мне сейчас говорить неудобно, я очень занят.

У мистера Челленджворса что-то перевернулось в животе. Он сморщился и почувствовал, что хватается за последнюю соломинку.

– Иван, это очень срочно. Если хотите, мы... мы сделаем вас единственным поставщиком для нашего предприятия... На месяц... На, на два!..

– У меня посетитель. Извините, бросаю трубку.

Это был финал. Конец. Позорное фиаско. Мистеру Челленджворсу было и страшно, и странно, и мерзко. «Последние два дня я как будто начинаю терять связь событий или просто постепенно схожу с ума», – подумал он в ярости на самого себя. Ему вдруг захотелось поговорить с Эмили. «Возможно, это шанс. Мисс Джинджер, Эмили... Она может кого-то знать».

Уже не такой взволнованный, а, наоборот, почти впавший в ступор от обилия переживаний, мистер Челленджворс медленно открыл дверь и увидел, что его помощница спокойно читает раскрытую на прилавке книгу. Обычно в это время она всегда носилась от одного прилавка к другому.

– Эмили, что случилось? Почему вы не работаете?

Девушка оторвала взгляд от книги, но, чувствовалось, сделала это с трудом – так её увлекло чтение.

– Мистер Челленджворс, – тихо сказала она, – у нас сегодня никого, никого почти нет...

– Что? Что вы говорите, мисс Джинджер? – мистер Челленджворс покачнулся и вдруг осознал, что у него сегодня и маковой росинки во рту не было.

– Я... я не знаю почему, – девушка выглядела такой испуганной и виноватой, как будто собственноручно заперла сегодня всех жителей города в своих домах и квартирах. – Я не хотела вас беспокоить еще и этим, но... у нас сегодня такой вот пустой, то есть неприбыльный день. Кроме миссис Степфорт, сегодня утром к нам никто и не захаживал.

И тут мистера Челленджворс прорвало. Он не мог больше держать всё это в себе. Он дрожал, его голос дрожал, он рассказывал, перескакивал с одной мысли на другую и снова возвращался к исходной точке. Ему было стыдно, тошно, неудобно, иногда с губ срывались тяжелые стоны. Он изливал тревожные чувства, опустив голову и уткнувшись локтями в колени, и посмотрел в глаза мисс Джинджер, только когда дошёл до телефонного звонка Ивану. Его

гордость при этом страдала беспощадно: делиться проблемами фирмы с обслуживающим персоналом! Докатился. Всё это время Эмили пристально смотрела на шефа и нервно теребила ручку с золотым колпачком.

– Ну вот, всё, мисс Джинджер. Теперь вы в курсе положения дел в нашем магазине. Как вы понимаете, нам срочно надо что-то делать. Точнее, я должен что-то делать, – он поднял глаза и сразу же увидел светло-серые пластмассовые серьги Эмили, блестящие на выглянувшем солнце.

– Мистер Челленджворс, я ... я поражена. Как всё это неожиданно свалилось, как дождь на голову...

– Снег, Эмили, снег, – без былого азарта поправил девушку аптекарь.

– Ну да... Снег. Но вы, вы не расстраивайтесь, – мистер Челленджворс скривился, – ведь наверняка можно же что-нибудь придумать. Я уверена, что можно что-нибудь придумать! Я сегодня позвоню своим знакомым и... Изабелле.

– Ваша сестра в городе?

– Она приезжает завтра поздно вечером. Но, как я поняла, у неё уже здесь есть какие-то связи.

По лицу Эмили было видно, что она не желает развивать эту тему, поэтому мистер Челленджворс не стал задавать лишних вопросов, но в его душе затеплилась спасительная надежда. Он нутром чувствовал, что сестрица Эмили способна выудить информацию из ниоткуда, даже если приезжает в покинутый несколько лет назад город. А ещё его шестое чувство подсказывало, что с этой дамочкой нужно сразу переходить на деловые рельсы. Мужчина еще раз посмотрел на ассистентку, и вдруг ему стало спокойно и хорошо.

– Мисс Джинджер, можете вы мне дать телефон вашей сестры? Я позвоню ей сам.

– Д-да... – со слабой ноткой разочарования ответила Эмили, но мистер Челленджворс этого совсем не заметил.

Всё, что оставалось сделать, – разработать стратегию и еще раз пересчитать выручку за последние полгода – капитал, который мистер Грейтгрин бескорыстно ему оставил. «Да, и у старика были на то причины», – прошептал нынешний хозяин с грустной улыбкой.

Чуть повеселевший, предприниматель свалился на стул и бросил портфель на колени. Впервые он обратил внимание, что сумка как-то странно выглядит. Золотые застёжки были перекошены, их как будто кто-то трогал. Мистера Челленджворса обдало холодной дрожью, и он сразу все понял: к его портфелю прикасались! Липкими от пота руками фармацевт лихорадочно разворотил затейливую пряжку и с бешено бьющимся сердцем молниеносно засунул руку в одно отделение, потом – в другое. Его любимых фамильных золотых часов не было. Не было! Джентльмен побледнел, ему стало сложно дышать, и он почувствовал резкую боль в груди, которая заставила второй раз за день пошатнуться. Он начал припоминать сегодняшнее утро, такое ужасное сегодняшнее утро. Боль в спине, помятый фрак, софа, дворецкий... этот подозрительно респектабельный дворецкий. И он, кажется, говорил что-то... Как будто бы важное. А что было вчера? Вчера он бежал, бежал и кружился в водовороте блёсток, фантиков и света и одновременно черноты, какой-то бархатной усыпляющей темноты. Вдруг он вспомнил голос. Точнее, что-то раздалось в его голове – медоточивое, приятно щекочущее нервы и опять усыпляющее, усыпляющее все чувства и все мысли. Мистер Челленджворс стиснул голову руками, желая остановить это падение, падение куда-то далеко, в бездну сновидений наяву. «Я начинаю видеть этот день! – воскликнул он в исступлении. – Я начинаю видеть этот странный приятно-ужасный день!» И тут как острая стрела, как вспышка пугающей огромной молнии на ночном небе, пронеслась мысль, воспоминание, одно только слово, разрастаясь и, казалось, оглушая всё своим сумрачным эхом. «Лина?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.